

INSPIRIA

Лили

СКАЗКА О МЕСТИ

РОУЗ ТРЕМЕЙН

«Душераздирающая история, написанная безупречным пером Роуз Тремейн и разворачивающаяся в викторианской Англии»

THE TIMES

INSPIRIA

Novel. На фоне истории

Роуз Тремейн

Лили. Сказка о мести

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Тремейн Р.

Лили. Сказка о мести / Р. Тремейн — «Эксмо», 2022 — (Novel. На фоне истории)

ISBN 978-5-04-181530-1

МЕСТЬ, УБИЙСТВО И НЕПРОСТАЯ ЖИЗНЬ СИРОТКИ В ЖИВОПИСНОЙ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ. ОТ ПРИЗНАННОГО В МИРЕ АВТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ. Никто не знает, что она сотворила... Одной зимней ночью мать Лили Мортимер оставила свою дочь у ворот парка, где малышку заметил дежуривший неподалеку молодой констебль. Он спас ее и отвез в госпиталь для найденшей. Лили попала на воспитание в семью Бак с фермы «Грачевник». Девочка провела там счастливое и беззаботное детство, однако по правилам была вынуждена вновь вернуться в ненавистный госпиталь. Повзрослев, Лили оказалась одна в суровом мире викторианского Лондона, где принялась за работу в знаменитой «Лавке париков» Белль Чаровилл. И все это время ее тяготила страшная тайна... Когда судьба вновь свела Лили с ее спасителем, теперь уже суперинтендантом полиции, их мгновенно притянуло друг к другу. Лили была убеждена, что в руках Сэма ключ к ее счастью; но вдруг он — тот, кто раскроет ее преступление и тем самым обречет ее на смерть? «Захватывающе... Глубоко человеческий роман, исследующий темы отвержения, бедности, вины и искупления. Тремейн воссоздает викторианский Лондон с необычайной живостью и чувственностью». — Observer «Блестяще написанная, "Лили" до безобразия затягивает». — Daily Telegraph «Последний роман Тремейн более чем оправдывает свое атмосферное, захватывающее начало... Превосходное повествование, в котором есть место как искуплению, так и мести». — Mail on Sunday «Душераздирающая история, разворачивающаяся в викторианской Англии и написанная безупречным пером Роуз Тремейн». — The Times «Дар Роуз Тремейн — создавать персонажей, чей опыт охватывает все сферы жизни, но при этом они опираются на авторское понимание мира». — Harper's Bazaar

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-181530-1

© Тремейн Р., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Волчица	7
На ферме «Грачевник»	10
Лавка	19
Мисс Негодница	22
Словно невеста...	28
«Те маленькие дикари»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Роуз Тремейн

Лили

Сказка о мести

Каролине Мишель, с любовью и улыбкой

Rose Tremain
Lily

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Rose Tremain, 2022

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

© Ключарева Д.Э., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Волчица

Ей снится собственная смерть.

Это происходит, когда над Лондоном занимается холодный октябрьский рассвет.

На голову ей накидывают мешок. Сквозь рыхлую мешковину она в последний раз смотрит на этот мир, сократившийся до скопища крошечных квадратиков серого света, и думает: «Зачем я так долго и упорно пыталась пробиться в мире, где была обречена с тех самых пор, как явилась из материнской утробы? Отчего не шагнула я навстречу смерти, будучи ребенком, ведь дети воображают, что смерть – это нечто сказочное и полное причудливой красоты?»

Она чувствует, как петля из пеньковой веревки ложится на шею, и знает, что петлю эту так и тянет слиться в соитии с огромным бугристым узлом у нее за затылком. Узел щекочет место, где встречаются шея и голова. Вскоре люк у нее под ногами откроется, и она упадет в бездну, ноги ее повиснут, как ноги тряпичной куклы. Шея хрустнет, и сердце встанет.

Никто, кроме нее, не знает, что этот сон о смерти – репетиция того, что непременно однажды с ней произойдет. Никто еще не знает, что она убийца. Все видят в ней невинную девушку. Через месяц ей исполнится семнадцать. У нее ямочки на щеках и мягкие каштановые волосы, тихий голос и золотые руки. Она работает в знаменитой на весь Лондон «Лавке париков» Белль Чаровилл. По воскресеньям, надев платье из голубой саржи, она ходит в церковь. И называли ее в честь цветка: Лили¹.

Один из прихожан в этой церкви наблюдает за ней. Он старше ее: она думает, что ему около сорока. Но ей по душе томление, которое она видит в его взгляде. Возможно, потому что, замечая костерок желания – незатухающий, как разноцветные лучи света, что проникают в церковь сквозь витражное стекло, – она на пару мгновений забывает о содеянном и о каре, которую однажды понесет за свое преступление. Более того, она даже начинает предаваться мечтам о некой благочинной жизни, что ждет ее впереди.

Она рисует в своем воображении один момент – словно сцену из пьесы. Она сидит в церковном дворе рядом с этим незнакомцем. Уже весна, но на улице еще прохладно. Они на каменной скамье, совсем близко, и сквозь платье она ощущает холод камня. Она озябла и немного дрожит, поэтому мужчина берет ее за руку. Его ладонь тепла и сильна. Он бережно сжимает ее пальцы – не безжалостно или безотвязно, как узел сдавливают петлю, но с преходящей живой лаской. И это вызывает в ней ужасное желание сознаться в своем преступлении, чудовищность которого камнем лежит у нее на сердце, иногда напоминая о себе. Она поворачивается к незнакомцу, смотрит в его глаза, такие серьезные и добрые, и говорит: «Знаете ли вы, что я совершила убийство?» И он отвечает: «Да, я это знаю, но, пожалуй, не буду об этом думать, потому что у вас была на то хорошая причина».

Хорошая причина.

Но это лишь мечта, фантазия, выдумка...

В 1850 году, когда ей было всего несколько часов от роду, мать оставила ее у ворот парка в районе Бетнал-Грин на востоке Лондона. Ворота были кованые. Лили была запелената в мешок. Прежде чем ее обнаружили люди, волки, что обитали на болотах Эссекса, под покровом ноябрьской ночи прокрались в город, привлеченные его густым смрадом, и зашли в парк, и услышали плач младенца, который поначалу приняли за скулеж волчонка, и просунули морды в щели между железными прутьями ворот, и одна волчица ухватила зубами сверток и потянула его к себе. Быть может, она хотела бережно обойтись с детенышем, но ее острые клыки

---

¹ Lily – лилия (англ.). (Здесь и далее, если не указано иное, – прим. перев.)

вонзились в ножку младенца: мешковина пропиталась кровью, и, почуяв запах, стоя испустила голодный вой.

Это и привлекло к воротам дежурившего в ту ночь констебля полиции. Он поднял свой фонарь повыше и разглядел в мешковине пронзительно кричавшего и истекавшего кровью младенца. Он взял девочку на руки. Он был еще юн и собственных детей не имел, но в попытке согреть бережно прижал ее к себе, как прижал бы родитель свое новорожденное дитя, и форма его намокла от крови. Его переполняли ужас и восторг.

Сквозь темноту он зашагал в сторону Корам-Филдс. Налетела гроза, и к тому моменту, когда констебль добрался до Лондонского госпиталя для найденшей², его трясло от холода и сырости. Сторожа впустили его внутрь и забрали ребенка, которого он прижимал к своей дрожащей груди. Они спросили у него, не его ли это дитя, но он сказал, что нет, что нашел девочку у ворот парка Виктории и спас ее от волков. Ему ответили, что в Лондоне таких зверей давно не водится, что они почудились ему из-за лихорадки, и он заспорил: в свете полицейского фонаря он видел именно их, их глаза серебром блестели в абсолютной темноте, а затем показал на кровь, которая впиталась в мешковину на месте укуса.

Забрезжил рассвет, и в госпитале разожгли камин. Полисмен сидел возле огня в белье, завернувшись в покрывало и попивая горячий чай, и младенца лежала на столе, все еще в разводах крови от рождения, но уже освобожденная от мешковины и запеленатая в старую простыню. Позвали медицинскую сестру, и рану на ребячьей ножке промыли и перевязали; чтобы согреть, девочку завернули в одеяльце из кроличьих шкурок. Она была на пороге смерти из-за того, что ей пришлось вынести в первую же ночь на этой земле. Она посасывала палец сестры, который та обмакнула в кашу из муки и воды.

В Лондонском госпитале для найденшей существовал обычай: в знак раскаяния мать должна была оставить что-нибудь на память своему брошенному ребенку. Например, пуговицу, или погнутую монету, или отрез материи – что-то небольшое и бесполезное, но дорогое женщине, собравшейся расстаться с существом, которое ей следовало бы растить и любить. Иногда вместе с такими вещами оставляли записку – обещание, что однажды мать вернется за своим ребенком и постарается окружить его добротой. Иногда женщины оставляли записку с именем для младенца, похоже, не ведая, что эти имена тотчас отнимали у них и заменяли другими. Ибо попечители госпиталя считали, что матери, не способные позаботиться о своих отпрысках, были нечестивыми грешницами. Они принадлежали к тому роду людей, которых в обществе называли «недостойными» и которые, как считалось, не заслуживали права понапрасну привязывать к себе ребенка, окрестив его тем или иным образом. Начальство госпиталя предпочитало самостоятельно крестить детей – такое право они признавали за собой, их благодетелями.

Лили позже рассказали, что мешок перетряхнули в поисках какой-нибудь памятной вещицы, бирки или записки с именем, вложенных туда вместе с нею, но ни вещицы, ни бирки, ни записки там не нашлось. А нашелся там, на самом дне мешка, странный пук седых человеческих волос, испачканных теперь ее кровью, и никто не знал, откуда они там взялись. Служащие госпиталя пытались усмотреть в этих волосах некое тайное послание, но так ничего и не поняли. И все же они сохранили этот мешок с волосами, ибо однажды эта тайна могла проясниться.

---

² Приют для детей-сирот и выходцев из неблагополучных семей, располагавшийся в центре Лондона в округе Камден. Основан в 1739 году английским моряком и филантропом Томасом Корамом. В 1920-х госпиталь со всеми его воспитанниками и сотрудниками переселили в пригород Лондона, где условия были более благоприятными для детей, и он просуществовал до 1950-х годов. Сейчас на месте госпиталя в Лондоне располагается мемориальная детская площадка Корам-Филдс, а в перестроенном здании работает Музей истории Госпиталя для найденшей.

Дав девочке имя Лили, попечители наделили ее и фамилией, милостиво подаренной ей одной из благотельниц – высокородных леди, чьи сухие сердца были смазаны маслом сострадания. Они тешили себя мыслью, что благодаря их деньгам дети проследуют по жизни праведным путем. Так она получила фамилию Мортимер – в честь леди Элизабет Мортимер, дочери графа и хозяйки приозерного замка в Шотландии, которая, однако, родилась с горбом, из-за чего ни один мужчина не брал ее в жены, и вся ее нерастрченная страсть изливалась в благотворительность. Лили подарили миниатюру с портретом леди Элизабет, но на той было изображено одно лишь ее лицо, белое и миловидное, но не согбенная спина, ставшая причиной крушения ее жизни и надежд.

Посасывая палец сестры, закутанная в кроличье одеяло и согреваемая у камина, Лили дожидая до рассвета. Позже ей рассказали, что молодой констебль, сидевший рядом с ней, забылся лихорадочным сном, и его перенесли на кровать, дабы он не встретил безвременную смерть в госпитале Корама. Но он не умер и, как она позже узнала, через две недели вернулся, вопрошая, выжил ли спасенный им найденыш. Он назвался констеблем Сэмом Тренчем. Он рассказал сторожам, что, шагая из Бетнал-Грин под ливнем и ветром, прижимая к груди этого младенца, проникся к нему большим сочувствием и теперь желал снова поддержать Лили на руках. Но к моменту его возвращения ее уже увезли.

– Увезли? – переспросил он. – Из-за раны на ноге?

– Нет, – ответили сторожа, – увезли за город, в приемную семью. Так у нас заведено. На несколько лет мы отсылаем детей на воспитание в благочестивые семьи. А потом забираем их обратно.

На ферме «Грачевник»

Когда глаза Лили открылись миру и ее детский ум начал впитывать его образы, первым, что она увидела, оказались пушинки чертополоха, витавшие на фоне залитого солнцем неба.

Позже она поняла, что этот пух засорял землю и мешал траве расти; с ним боролись, но он вольготно разлетался повсюду, и все лето восточный ветер разносил по округе семена чертополоха. Выше летали ласточки и стрижи – иногда так высоко, что их едва можно было разглядеть, словно они были соринками, которыми то туда, то сюда перекидывался полуденный бриз.

Таковы были первые воспоминания Лили: бесконечность синего неба, вереница пушинок в его вышине, птицы в зыбких небесах. И эти образы она хранила в себе на протяжении почти семнадцати лет жизни, мысли о них утешали – она представляла, будто однажды сама станет частью этого эфемерного мира, покинув мир земной, который был так добр к ней в первые шесть лет, а потом завел во тьму.

Место, где рос чертополох, называлось фермой «Грачевник». Стояла она в такой дремучей глубинке Суффолка, что выбраться оттуда было затруднительно. Словно вздымающееся со всех сторон море, ферму окружали густые леса, и тропинки, которые упорно забирали на запад, к длинной, изрытой колесами просеке, что выводила к тракту на Свэйти, уступали любой прихоти природы, вздумавшей каждый дюйм их заполнить вереском, чертополохом и репьями.

Все это означало, что, оказавшись на ферме «Грачевник», вы не захотели бы ее покинуть. Вы просто забывали, как необъятен мир за ее пределами. Невозможно было и мысли допустить, что в семидесяти милях оттуда есть такой город, как Лондон, где маленьких детей заставляют чистить дымоходы, гнуть спины за ткацкими станками, жить впроголодь и спать вчетвером или впятером в одной кровати.

Дворовые постройки на ферме «Грачевник» были забиты сломанными телегами, разномастными обломками ржавеющего железа и множеством предметов домашнего обихода, нажитых за долгое время, а затем выброшенных и ныне погребенных под сенью лет. Крысы вели здесь привольную жизнь: они не боялись тех, кто замечал или пытался их шугануть, и Перкин Бак, хозяин фермы, не обращал на них внимания, словно верил, что крысы намеревались поглотить все, от чего отказались люди, вещь за вещью, и однажды оставить его сарай чистыми и опустевшими от хлама. Но крысы прилагали силы только для увеличения численности обитателей фермы и прятали свое потомство в темных углах между предметами, и эти крысята, мелкие и голые, совершая свои первые вылазки в набитый пылью и пухом мир фермы «Грачевник», поскальзывались, и кувыркались, и падали, и с трудом управлялись сами с собой.

Рядом с сараями был пруд; летом его затягивало тиной, сверху нависали древние ивы. Зимой вода становилась чистой и прозрачной, и кряквы, которых разводил Перкин Бак, прихорашивались на его берегу, будто актеры, что репетируют свои роли перед большим блестящим зеркалом, а драчливые гуси прилетали и, растолкав горделивых уток, соскальзывали в воду. К Рождеству Перкин Бак раскармливал этих гусей и самого крупного из них убивал, ощипывал, потрошил, натирал солью – готовил к путешествию в печь. Рождественским застольем командовала Нелли Бак, жена Перкина и мать троих его детей.

Нелли Бак смотрела на мир с высоты своего крепкого тела с такой нежностью, с таким сочувствием, что каждый, кто знал ее, ощущал в ее присутствии мимолетное чувство умиротворения, какое было сродни счастью. И то же отношение к себе познала и Лили, когда ее, младенницу с изувеченной ножкой, из Лондонского госпиталя для найденных отправили в Суффолк, под опеку Нелли.

За воспитание покинутых детей Нелли получала десять шиллингов в месяц, и за одиннадцать лет она вырастила троих собственных сыновей и четверых найденных – тоже мальчи-

шек. Лили стала пятым ребенком, первой девочкой, которую приняла в свой дом Нелли, – это был единственный подарок судьбы, который она получила за всю свою жизнь. Растить на ферме «Грачевник» рядом с Нелли Бак, которая каждый вечер укладывала ее в кроватку, и цепляться за ее юбку, пока та занималась работой по дому и ферме, было настоящим счастьем. Никто не предупреждал сиротку, что, когда ей исполнится шесть лет, ее отправят обратно в Лондон, в знаменитый госпиталь Томаса Корама. Никто не предупреждал ее, что тоска по Нелли Бак и единственная попытка вернуться домой, снова добраться до фермы «Грачевник» обернутся для нее побоями.

Нелли Бак, с ее спокойствием и добрым нравом, умела пробуждать в окружающих ее людях лучшее, и Лили под ее опекой вела себя хорошо и послушно. Скажи вы Нелли, что однажды ее приемная дочурка совершит убийство, она бы оттолкнула вас прочь, как отталкивала молодых бычков, что плотно обступали ее, когда она выходила кормить их зимой: она отмахивалась от них руками, будто стряхивала крошки со своей груди, и приказывала им разойтись. «Не городите чепухи! – сказала бы она. – Я-то мою Лили знаю, она ни одной живой души не обидит. Она только сядет и смеется, когда мои мальчишки ее подначивают. Она гладит мои мочки, когда я пою ей колыбельную. Она баюкает крысят в своих ладонях».

Трех своих сыновей Нелли назвала в честь трех их дядюшек со стороны Перкина Бака: Джесси, Джеймсом и Джозефом. В свое время каждый из этих «дядюшек на Д» уехал прочь, далеко и еще дальше, в Индию и в Африку, надеясь разбогатеть, и каждый из них погиб – кто от болезни, кто в драке, а кто в глубоком ущелье, упав туда вместе с поездом, ехавшим по шаткому деревянному мосту. Вот так Перкин Бак (который при крещении получил имя Джон Перкин, но давно распрощался с той его частью, что на «Д») один-одинешенек унаследовал ферму «Грачевник» и пытался сохранить память о своих мертвых братьях в именах детей, которых прижил с Нелли.

Воспитание приемных детей за десять шиллингов в месяц было хорошим подспорьем к тому, что Перкин Бак зарабатывал, разводя телят и птицу и выращивая пшеницу для мельницы в Свэйти, и эти маленькие чужаки, населявшие его дом, заменяли ему собственных покойных детей. Ибо многим из них суждено было умереть. Кого-то забрала лихорадка, прежде чем бутоны первоцвета успели распустить свои лепестки. Чьи-то мягкие кости превратились в пыль за неделю до того, как перестал идти снег. А кто-то умирал, потому как и не ведал о том, что жив, ибо для существования в мире от тела и души требуется нечто значительное: *воля к жизни*, о какой они не имели понятия или не знали, как ею воспользоваться. Один из мальчиков, которых опекала Нелли, умер, и когда Лили спросила ее почему, Нелли ответила ей: «Он отошел в мир иной, детка, потому что не желал оставаться в этом. Его звали Том, и я все твердила ему: „Держись, Том. Проживи денек, потом еще один и еще“. Я дала ему все, что могла, но он только и смотрел на меня лукаво, будто говоря: „Ну, и на что ты надеешься, глупая женщина? Неужели ты не видишь, как мне не терпится умереть?“»

Дети Баков запомнили это «не терпится умереть» и высматривали то же желание в новой сиротке, но не нашли его. Лили была довольна жизнью и забавляла их. Когда она, двух лет от роду, гонялась по двору за курицами, Джозефу было пять, Джеймсу шесть, а Джесси восемь. Сущим праздником для Джеймса, который обожал пересчитывать все на свете («восемь пушистых одуванчиков, два фазана, семь ласточек в небе»), было усадить ее на траву и пересчитать пальчики на ее ногах. Потому что их у нее было только девять. Когда волчица подошла к воротам парка Виктории, она откусила мизинчик от левой ножки Лили, и этот крошечный комочек плоти с мягкой косточкой внутри запутался в мешковине, весь облепленный неизвестно откуда взявшимися человеческими волосами.

Иногда Лили думает, что, когда она, босая, отправится на виселицу, все вокруг разинут рты при виде этой изуродованной ноги, болтающейся в воздухе, и сочтут это клеймом дьявола,

знаком, что она несет смерть с самого рождения. Но для Джеймса Бака ее девять пальчиков были просто ежедневным уроком арифметики, а Джозеф и Джесси иногда пытались слепить мизинец из глины и приклеить его к ее ступне, но она отрывала и сминала его в ладони или бросала через весь луг, и тогда собака по кличке Тень мчалась искать его в траве.

Тень была тощей беспокойной колли с глазами, которые в солнечном свете казались желтыми. Иногда ее посылали собрать скот, который разбрелся по пшеничному полю или неуклюже тыкался мордами в ветви живой изгороди, чтобы вдоволь наестся шиповника, который Нелли собирала на сироп, но по большей части Тень ничего не делала, только носилась кругами по ферме, а ее дикие желтые глаза горели радостью движения ради самого движения, без всякой особой цели.

Тень была вторым после Нелли живым существом, к которому Лили и мальчики питали наибольшую любовь. Они постоянно подзывали ее к себе. Они обнимали ее за тонкую, шелковистую на ощупь шею и снимали репейник с ее ушей. Они смастерили для нее мяч из тряпья и мучного клея, и метали его вдоль тропинки или через весь луг, и смотрели, как она летит вслед за ним быстрее птицы, а за нею на ветру полощется ее черно-белый хвост. Она спала на кухне возле печи, на жесткой суффолкской глиняной плитке, и по ночам кто-нибудь из них нередко прокрадывался туда и пытался поднять ее и забрать с собою наверх, в свою маленькую кроватку, чтобы на рассвете, когда станет зябко, протянуть руку и нащупать ее теплую голову. Лили все еще так делает во сне: тянется к уютно посапывающей Тени. Даже слышит ее дыхание. А потом просыпается и думает: «Тень давно мертва, ее нет. Ни ей, ни мне уже не вернуться на ферму „Грачевник“».

Раз в неделю, по субботам – в рыночный день – Лили с семейством Баков дружно усаживались в деревянную телегу и отправлялись в деревню Свэйти. Джесси садился на козлы вместе с Перкином Баком, который направлял Пегги, своенравную шайрскую лошадь, по узкой просеке, а Лили, другие мальчики и Нелли сидели позади них и смотрели, как мимо проплывают леса. Лили любила устроиться на коленях у Нелли, но то же любил и Джозеф, так что бедная Нелли пыталась удержать на своих дюжих коленях сразу двоих детей, покуда колеса телеги подпрыгивали на выбоинах, что усеивали разъезженную дорогу. Джозеф, бывало, щипал Лили за ногу, а она, вскинувшись, плюхалась в солому и пыль на дне телеги, и все они смеялись.

Зимой в таких поездках было очень холодно. Случалось, ветер стряхивал с деревьев тяжелые шапки снега, и те приземлялись на семейство в телеге и на лошадь. Острый на вкус снег попадал детям в рот, а лошадь, остолбенев, замирала на месте, и весь мир, казалось, останавливал свой бег прямо там, на полпути от фермы «Грачевник» к деревне Свэйти. В такие моменты Нелли заводила песню, чтобы дети не боялись, как если бы голос ее мог побудить Пегги шагать дальше. Лили сворачивалась клубком под крылышком у Нелли и чувствовала, как могучая грудь у той поднимается и опускается с каждым куплетом.

Перкин шелкал поводьями и кричал на лошадь. Иногда она, отряхнувшись от снега, продолжала свой ход, но куда чаще Джесси приходилось спускаться и брать ее под уздцы, тереть ей нос и дуть на него, ластиться к ней. Лошадь Пегги любила человеческую ласку. Она, когда паслась рядом с домом, имела обыкновение подойти к кухонному окну, просунуть свою большую голову внутрь и обнажить пятнистые старые зубы в подобии улыбки. Лили помнит, что изо рта у нее пахло, как от моркови, томленной в горшке на плите.

Когда телега добиралась-таки до Свэйти, Перкин Бак шел на торжище, где договаривался о цене за своих бычков, или отдавал фазанов мяснику, или отводил лошадь к кузнецу, а потом выпивал с ним по кружке эля прямо там же, в кузнице, где большая угольная печь пылала днем и ночью, зимой и летом.

Лили с мальчиками семенили вслед за Нелли, ходившей от лотка к лотку, и вся эта маленькая толкучка состояла из людей, которые знали и любили Нелли Бак и желали поведать ей обо всем, что случилось промеж двух рыночных дней, хотя рассказывать им было особо не о

чем, ибо жизнь в Свэйти текла медленнее, чем время, и местные забывали, сколько дней прошло от среды до понедельника. Поэтому они рассказывали ей о житейских мелочах: о мучивших их простудах и головных болях, о перегревшемся уютге, который прожог парадную блузку, о грубых замечаниях угольщика, развозящего свой низкосортный товар, о том, как смурна торговка копченой рыбой, о том, что пирог с требухой все-таки не поднялся, о грачах, что устраивали гнезда в самой вышине буков...

Глядя на то, как Лили цеплялась за юбки Нелли, они улыбались. «Повезло тебе с *девичушкой*, Нелли», – говорили они, и Нелли, поддев своей большой теплой ладонью подбородок Лили, отвечала: «Она чудо что за душенька. Никаких хлопот с ней», и они шли дальше, оставившаяся то у одного лотка, то у другого, покупая пряжу или нитки, фунт сыра или пинту улиток и изредка даже пару поношенных бот. Чтобы дети не разбежались и не стояли, разинув рот, у лотка с лепешками, которые Нелли были не по карману, она покупала им кулек ягодного щербета³, и они усаживались на ступени подле рыночного креста и ели, передавая кулек по кругу и обсуждая, что на вкус щербет похож на снег, свалившийся в телегу с тяжелых ветвей.

* * *

С раннего возраста все дети должны были трудиться на ферме. Некоторые поручения им нравились, другие они выполняли, стиснув зубы, ибо Перкин Бак неустанно повторял, что работа на ферме требует упорства и ничего более. Самым утомительным поручением было собирание камней.

Закончив со вспашкой полей, Перкин Бак дожидался, пока засушливая погода вытянет тяжелую влагу из земли, и, когда земля оседала, камни, которыми была набита почва Суффолка, выходили наружу, словно были живыми растущими существами, а дети собирали их подобно урожаю. Они работали бок о бок, повесив через плечо мешки, в которые складывали камни. Перкин Бак прокладывал путь. Косые лучи зимнего солнца освещали их, маленькой группкой пробиравшихся сквозь пашню. Мешки тяжелели и оттягивали им плечи. На руках появлялись мозоли и царапины, но им ничего не оставалось, кроме как, спотыкаясь о гребни вспаханной земли, чувствуя жажду и уныние, согбенно продолжать свой нескончаемый труд.

У кромки каждого поля были установлены большие воронки, в которые они ссыпали камни, когда их мешки наполнялись, и Лили помнит, что, когда она только начала собирать камни, она была слишком мала, чтобы достать до края воронки, поэтому Джесси осторожно поднимал ее, сажал к себе на плечи, чтобы она могла опустошить свой мешок, и говорил: «Молодец, Лили, теперь ты настоящий фермер». И пусть лицо у нее обветривалось, и спина у нее ныла, ей нравилось быть фермером, она хотела провести на ферме «Грачевник» всю жизнь и не догадывалась тогда, как скоро ей придется покинуть это место.

Когда все камни были собраны, на телегах приезжали торговцы строительными материалами и увозили их – крупным суффолкским булыжником выкладывали стены и церковные пристройки, а все остальное смалывали в пыль для цемента. Перкин Бак получал за эти камни деньги, а детей за весь их труд вознаграждал единственным способом, какой был ему по нраву: в последний, самый долгий день сбора камней, невзирая на холод, они ложились на землю в скудной тени дуба с редющей листвой, и Нелли выносила кувшин сидра, и они передавали его по кругу и все пили и пили, пока живая изгородь не начинала танцевать у них в глазах и они не засыпали, уткнувшись носами в траву. И Лили помнит те сладкие, хмельные, удивительные сны, и как Нелли позже поднимала ее и уносила в кроватку, и как черным-черны были те ноябрьские ночи – будто наступила смерть, а утро, приходившее следом, оказывалось приятным сюрпризом.

---

³ Разновидность мороженого: ледяная крошка, обильно политая сверху сиропом.

К востоку от жилого дома, прямо перед рощицей, что шелестела на ветру, стоял каменный колодец. Вырытый сотню лет назад, он на сотню футов уходил в глубь земли, и бытовала легенда о мальчишке возрастом почти как Джесси, который свалился туда в день, когда колодец был закончен. Говорили, что он жил под водой, дышал как рыба и питался илом. Джесси, Джеймс, Джозеф и Лили иногда взбирались на табурет для доения и, перегнувшись через край колодца, вглядывались в темноту, надеясь услышать мальчишку или увидеть, как его белые ноги пускают рябь по воде. Как-то раз им показалось, что они услышали шепот утопленника, и они спустили ведро и крикнули ему, чтобы хватался за цепь и вылезал наружу. Но имя его было им неизвестно, и Джесси сказал, что из-за этого-то они и не увидели в темноте его головы и рук, воздетых ввысь: он ведь не понял, что зывают к нему. Имена – штука ценная, добавил он, и, когда люди не знают, как тебя звать, ты словно тень меж древесных стволов или пушинка в небе над полями – то, чего не замечают.

Когда Лили вспоминает колодец на ферме «Грачевник», на ум ей чаще приходит не утопший мальчишка, а свежесть тамошней воды. Когда она уехала из Суффолка и возвратилась в Госпиталь для найденшей, чтобы готовиться к взрослой жизни, ее долго мучили болезни. Она не могла удерживать в себе пищу, очень похудела и ослабла. Врачи не могли понять, что с ней происходит, и наказывали ее за «строптивость» и за то, что она намеренно вызывала у себя рвоту. Ее посадили на молочную диету, и вскоре она поправилась, но ее очень мучила жажда, и она мечтала о большой кружке холодной свежей воды из колодца на ферме «Грачевник». Она рассказала о колодце Бриджет, сироте, с которой делила постель, и Бриджет ответила: «То, что мы пьем здесь, в Лондоне, наполовину вода и наполовину стоки, ибо поступает все это из реки, а река полна отравы».

В Суффолке детей из фермерских семей почти ничему не учили. Они получали то, что власти называли «азами знаний», ибо считалось, что этого им будет достаточно до конца жизни, какая будет ограничена несколькими акрами земли в глуши.

На пути от фермы «Грачевник» к деревне Свэйти особняком стояло небольшое кирпичное здание, и, хотя звалось оно школой, Лили оно всегда напоминало чайник. Учителей здесь было двое, они скучно преподавали Закон Божий, правописание и арифметику – когда по утрам, а когда в обед: расписание постоянно менялось, так что иногда Лили и мальчишки, с трудом доплетаясь по тропинке до школы, обнаруживали, что пришли не в то время.

Учительница жила на чердаке над школой, который Лили представлялся крышкой этого самого чайника. Звали ее мисс Олдройд, она везде ходила с Библией в тканевом переплете, прижимая ее к себе тоненькой рукой, и передвигалась медленно, осторожными шажками, словно сквозняк, дувший из маленьких окон, мог сбить ее с ног или вообще куда-нибудь унести. Она была очень старой и держалась за этот мир уже еле-еле, из последних сил. Она учила детей Закону Божьему и так истово верила в воскрешение душ, что Джозеф как-то пришел домой и сообщил Лили: даже дядя Джесси, рухнувший вместе с поездом в индийское ущелье, однажды восстанет из высохшего русла реки и пешком вернется на ферму «Грачевник». И Лили часто представляла себе этого мужчину или видела о нем странные сны, в которых он, стряхнув пыль разложения со своих одежд и пригладив усы, пробирался по скалистой долине с изумлением в сердце и искрой надежды в глазах.

Мисс Олдройд помогал сын викария, беспокойный юноша двадцати лет от роду по прозвищу Щепка Мартин, которому следовало бы ковать судьбу ученого в Кембридже, но вместо этого он осел в Свэйти, где учил деревенских детей таблице умножения, чтению и правописанию простейших слов. От девочек не требовали особого рвения к арифметике. Считалось, что в головах у девочек одна солома и что числа, запутавшись в ней, побудут там минутку, а потом снова вылетят наружу. Поэтому девочкам, если они сами того хотели, разрешалось сидеть на

скамейке и заниматься шитьем или вязанием под странную музыку чисел, что произносились мальчишками в классе, и эта музыка застревала у них в головах, и, несмотря на то что сами девочки не твердили этих чисел, ум их пропитывался знанием, что трижды девять это двадцать семь, а сложив четыре и шесть, получишь не что иное, как десять. И пусть Лили отучилась в школе Свэйти всего два года, счет она усвоила именно там, и позже это не раз помогало ей в жизни, которую она вела до того, как стать убийцей.

Нелли знала – с того самого момента, как Лили с ее девятью пальчиками на ногах появилась на ферме «Грачевник», – что той суждено провести здесь всего несколько лет, а затем придет день, когда она отправится в Лондон и возвратится в Госпиталь для найденных, где освоит какое-нибудь нехитрое ремесло вроде прядения или ткачества, или изготовления кож-галантереи, или плетения шпагата. Она знала, что в этот день Лили придется проститься с мальчишками, проститься с Перкином, проститься с Тенью, проститься с горделивыми криками, проститься с Пегги и ее морковным дыханием, проститься с разносимыми ветром семенами, что сорвались с чертополоха, которым заросли многие акры местной земли. Проститься с мисс Олдройд, живущей в чайнике. Проститься со вкусом ягодного шербета и вкусом чистого снега.

Лили всегда верила – и верит до сих пор, что Нелли Бак ее полюбила и с болью в сердце шагнула за огромные ворота Госпиталя для найденных, и пошла по его холодным коридорам, и оставила свою последнюю воспитанницу там, среди чужаков, на произвол ее печальной судьбы. Но Нелли не могла не соблюсти закон, а закон гласил, что, достигнув шести лет, дети не могут более оставаться в приемной семье, «без дела томиться в полях»; они должны отдать свой долг госпиталю, приютившему их младенцами, и освоить некое умение, которое принесет пользу обществу.

Вот по этой причине, в надежде, что маленькие ручки Лили смогут овладеть каким-нибудь нехитрым ремеслом, Нелли так старательно и учила ее шить. Она доставала свою корзину с рукоделием – с катушками шелковой нити, целой коллекцией наперстков, схемами для плетения кружева и матерчатой игольницей, заполненной иголками и булавками. На хлопковых и льняных лоскутах Лили училась вышивать крестиком, затем – составлять из этих крошечных неровных крестиков узоры и короткие фразы, пытаясь подражать вставленному в рамку вышитому образцу, который висел над кроватью у Нелли: «*Мэри Уикхэм. Ее работа. Год 1846*». Нелли твердила Лили, что та, усердно занимаясь вышивкой, сможет открыть в себе такой же талант, какой был у Мэри Уикхэм. Лили не знала, кто такая Мэри Уикхэм и что с ней стало, но почему-то очень жалела ее, будто та умерла, так и не узнав, как дорожит ее вышивкой Нелли Бак.

Ладони у Нелли были крупные и огрубелые от работы по дому и на ферме, а ногти на них были обломанные и в бороздах, но едва в ее пальцах оказывалась иголка, как те принимались совершать изящные мелкие движения, словно дирижируя крошечным оркестром. Вышивала она так ловко и аккуратно, а стежки ее ложились так ровно и красиво, что Лили только диву давалась, на что способны шершавые руки Нелли. Она разглядывала собственные пальчики, все в ссадинах и царапинах от собирания камней, и гадала, сможет ли хоть когда-нибудь шить с таким же невыносимым тщанием.

Следом за вышиванием крестиком она выучилась делать петельный шов. Стоячие стежки ей виделись солдатами, что выстроились в ровную линию, а петли, что ложились вдоль края ткани, – их руками, которые они все тянули и тянули в стороны, чтобы ободрить друг друга – и так на протяжении всего строя. Ей нравилось шить алой шелковой нитью, чтобы солдаты выходили нарядными – в красной униформе, которую, как сказал ей Джеймс, носила британская пехота.

Как-то раз Нелли велела Лили расшить один маленький лоскут. На небольшом квадратике холстины она нарисовала узор. К тому времени Лили уже знала буквы и поняла, что Нелли нарисовала на материи букву «Э», а вокруг нее – венок из простеньких цветов. Когда Лили спросила, что означает эта «Э», она сказала: «Твоя благодетельница, леди Элизабет Мортимер, в честь которой тебе дали имя, когда ты еще жила в Лондонском госпитале для найденных, решила оказать нам честь своим визитом, и ты в знак благодарности подаришь ей свою вышивку».

Лили вышивала букву «Э» и днем, и при свече. Ей дали зеленую шелковую нить, а узор она прокладывала рисовым швом, аккуратно и ровно класть который было труднее всего. Она сказала Нелли, что вышьет все цветы разными нитками, но Нелли сказала: «Нет, Лили. Леди Элизабет – человек с благородным вкусом. Пестрота ей не понравится». И все же, вышивая цветы, Лили так и видела их пурпурными, желтыми, красными и оранжевыми, и думала, что Нелли, наверное, ошиблась и что леди Элизабет порадовало бы такое разноцветье. Ей рассказывали, что леди Элизабет была печальной дамой с горбом на спине и ходить ей приходилось согбенной, будто вопросительный знак.

Она прибыла в роскошной карете, которая тряслась и подпрыгивала на разъезженной просеке. Тень ринулась к ней навстречу и облаяла лошадей, ее желтые глаза пылали яростным огнем. Но карета подъехала и остановилась в некотором отдалении от дома. Лили вцепилась в юбки Нелли, сжимая в ручках вышивку, приготовленную ею для леди Элизабет. Семейство хранило молчание. Перкин Бак застыл как истукан, теребя свой картуз почерневшими руками. Мальчики в своих лучших костюмчиках стояли навтыжку, как солдатики, но, когда леди Элизабет наконец показалась из кареты, Лили заметила, что они едва сдерживают смех – до того мала была эта женщина. Огромный груз на спине будто помешал ее ногам вырасти, и она походила на ребенка, разве что волосы ее были завиты и уложены в прическу, а плащ оторочен мехом.

Она привезла с собою служанку, и теперь обе женщины шагали по траве к семейству Баков; служанка вела леди Элизабет под руку, словно удерживая ее от падения.

Нелли велела Лили сделать реверанс перед ее благодетельницей, но вид у той оказался до того странный, что девочка не захотела отходить от Нелли. Она почувствовала, как рука Нелли давит ей на плечо, заставляя присесть хоть на чуточку, но лишь сильнее прижалась к женщине, ибо вдруг испугалась, что леди Элизабет явилась, чтобы увезти ее с фермы «Грачевник», и закричала:

– Я не хочу в карету! Я не пойду!

Услышав это, леди Элизабет улыбнулась, и Лили с опаской заглянула в ее лицо, обрамленное темными локонами. То было очень красивое лицо, и Лили подумала: «Она похожа на героиню поучительной истории вроде тех, что иногда читает нам в школе мисс Олдройд, на героиню, которую собрали из кусочков принцесс и чудовищ, а может, она волшебница и способна превратить меня в стрекозу или белую сову...»

Та подошла, протянула Нелли свою затянутую в перчатку ладонь и сказала, что Госпиталь для найденных благодарен Нелли за всю ту работу, которую она проделала. А затем опустила взгляд на Лили:

– Лили Мортимер. Скажи мне, как поживают твои девять пальчиков?

Она знала все о девочке, которой стремилась помочь. Когда они прошли на кухню, где Нелли накрыла стол для чаепития с ягодными сконами и джемом из крыжовника, леди Элизабет завела речь о констебле, который когда-то спас Лили от волков возле парка Виктории. По ее словам, он был хороший человек и заходил в госпиталь, чтобы узнать, жива ли девочка. Но Лили молчала. Она все разглядывала леди Элизабет. Солнце осветило ее локоны, и они блестя, как патока. Лили по-прежнему сжимала вышивку в кулачке и вдруг поняла, что кусо-

чек льна весь скомкан и измят, и забралась на колени к Нелли, и сунула ей в руки вышивку, надеясь, что та ее где-нибудь спрячет, но вместо этого Нелли выложила ее на стол, разгладила и сказала:

– Мы совсем забыли вам сказать, леди Элизабет, Лили сделала для вас подарок с вашим инициалом, она очень старательно вышила его рисовым швом и надеется, что он вам понравится.

Лили спрятала лицо на груди у Нелли. Леди Элизабет воскликнула:

– О, какая прелесть! Сразу заметно, что на эту работу ушло немало часов. Мне всегда радостно видеть свидетельство усердия, ибо это знак, что дитя найдет свое место в этом мире, и будет держаться его, и проживет достойную жизнь.

– Видишь, – сказала Нелли. – Леди Элизабет понравилась твоя работа. Тебе стоит поблагодарить ее за добрые слова.

Лили обернулась и снова взглянула на нее. Лили сидела напротив этой дамы и видела лишь ее красивое лицо, ее зеленое платье и белые руки, и не видела ни горба на спине, ни уродливых ног, но все-таки не смогла набраться решимости, чтобы заговорить с нею. Когда леди Элизабет наконец уехала в своей трясущейся и подпрыгивающей карете, Нелли сказала Лили, что разочарована тем, какой непривычно молчаливой и замкнутой она была, и что ей должно быть стыдно за такое поведение перед благотельницей, которая собиралась помочь ей устроиться в жизни. Лили спросила у Нелли, как именно та собиралась ей помочь, ибо она уже знала, что помощь может быть разной, как, например, когда Джесси помогал ей тащить мешок с камнями, когда тот тянул ее к земле, как Перкин Бак помогал кузнецу раздувать огонь в горне, как Тень помогала миру вертеться, бегая кругами по полям. Она не могла вообразить ни единого способа, как ее странная благотельница могла бы помочь хоть кому-нибудь.

– Мы пока не знаем, – сказала Нелли, – но она найдет способ это сделать.

Джесси добавил:

– Может, она увезет тебя в Индию, и ты поедешь в поезде, который никуда не упадет, и увидишь дерево баньян.

В день, когда Лили покинула ферму «Грачевник», лил октябрьский дождь. Она стояла у открытой двери и смотрела в поля, которые заполняли чертополох и ягоды боярышника – пыльно-красные, раскисшие от сырости.

Джесси, Джозеф и Джеймс отправились в школу. Они не простились с Лили. Они прошли мимо нее и просто зашагали вперед по тропинке, а когда она побежала за ними вслед, Джесси обернулся и сказал:

– Иди обратно, Лили. Иди обратно. Ты поедешь в другое место, туда, куда уехали другие дети, но тебе нельзя из-за этого плакать.

Она помнит, как они вдруг припустили бегом, и она не могла тогда понять почему – разве что хотели обогнать дождь, но теперь-то она знает: их душили чувства, которым они не знали названия, не печаль и не вина, но те, что тяготили не меньше, и они пытались убежать от этих чувств. Они не обернулись помахать ей на прощание, только бежали, пока не скрылись из виду.

Она думала, что осталась в доме одна. Она представила, как Перкин Бак, надев свой тэм-о-шентер⁴ и размахивая лопатой и косой, расчищает придорожные канавы, а Нелли собирает яйца. И это чувство полного и абсолютного одиночества, когда она стояла в дверях, глядя в серое небо, и на ягоды боярышника, и на убегающих от нее мальчиков, ей не забыть никогда. Она посмотрела вниз, на свои новые ботинки, ущипнула себя за ногу о пяти пальцах и сказала: «Я Лили Мортимер, и я не буду плакать».

---

⁴ Традиционный шотландский мужской головной убор – шерстяной берет с помпоном на макушке.

Она перевела взгляд с собственных ног на маслянистую от дождя тропу, что уводила прочь от фермы «Грачевник», и заметила, что с краю пробивается кустик сныти. Перкин Бак велел детям выдергивать из земли сныть, где бы они ее ни заприметили, потому как этот сорняк убивал все, что его окружало, и им, бывало, доставалась награда (один пенни или палочка лакрицы), когда удавалось вытянуть длинный корешок. Поэтому Лили подошла к кусту сныти, присела и посмотрела на него, но вместо того, чтобы попытаться его вырвать, лишь отломала несколько зеленых стебельков и сложила их в пучок, и подумала, что если в Лондоне не растет вообще ничего, как сообщил ей Джесси, то она привезет с собой туда горькие побеги сныти в память обо всем, что потеряла.

Тут у себя за спиной она услышала шаги Нелли. Та не собирала яйца, а была здесь, в доме. Она подошла к Лили и накинула ей на плечи старое коричневое пальто, помогла просунуть руки в рукава и повязала на шею шерстяной шарф. Она, похоже, не заметила стебельки сныти в ее маленькой руке. Лили почувствовала, как Нелли дрожит всем телом, говоря:

– Нам пора ехать, Лили, Перкин уже приготовил телегу, и нас ждет чудесное приключение.

Иногда Лили спрашивает себя, почему она не закричала, не воспротивилась, не попыталась убежать – чтобы, например, спрятаться в крышке школы-чайника мисс Олдройд, – но, вероятно, даже будучи шести лет от роду, она понимала, что так ей не спастись от своей судьбы, потому что судьба ее давно дожидалась своего часа, как мрачная мысль в уголке разума, как сон, который то снится, то нет, но теперь это была не мысль или сон, а настоящая жизнь.

Она положила пучок сныти в карман пальто. Перкин подогнал телегу ко входу. Дождь не прекращался. Пегги встряхнула тяжелой гривой, и брызги взметнулись нимбом вокруг ее головы, и, когда Лили отвлеклась на это зрелище, Перкин сказал Нелли:

– Сажай ее в телегу, Нелли. Глаз не видит – душа не болит.

Нелли посадила Лили и забралась в телегу следом за ней. Перкин соорудил над ними нечто вроде навеса из парусины, чтобы защитить их от небесной гнуса, и, когда телега тронулась, они скрючились под ним, и тогда Лили увидела, что Нелли взяла с собой корзинку для младенца, сплетенную из соломы и ситника, прямо как на картинках в Библии, а внутри нее лежало вязаное шерстяное одеяльце, которым накрывали ее кроватку на ферме «Грачевник» все то время, что она там прожила. И она спросила у Нелли:

– А зачем мы взяли мое одеяльце?

И Нелли взяла в руки ее ладошку, прижала ее к груди и сказала:

– Вот здесь у меня болит. Очень болит. Но мы простые люди, Лили, и должны поступать, как велит закон. Иначе везде будет разлад и сумятица.

Лавка

В Лондоне она снимает комнатуху на цокольном этаже на Ле-Бон-стрит недалеко от мутной ленты Темзы. Стоит зима, здесь холодно и темно, и ветер нередко доносит сюда обрывки нескончаемого разговора, что река ведет с самой собой. Иногда по утрам Лили просыпается, но не с радостью, что все еще свободна, или с гордостью за то, на что ей (единственной из многих) хватило смелости, а с чувством, которого не ожидала испытать, и это – упрямое желание сохранять неподвижность, как будто она очутилась в месте, где любое шевеление считается тщетным и вздорным человеческим предприятием и где лежать тихо и смирно в своей кровати – это все, что от нее требуется.

У нее плохой аппетит. Хлеб и патоку, которые оставляет ей на завтрак домовладелица, она отдает скворцам и голубям, что с напыщенным видом прогуливаются взад и вперед по грязным каменным ступеням у нее за окном. Она делает пару глотков чая, чтобы согреться. Она заставляет себя одеваться, но дни идут, и вскоре она замечает, что стала совсем худой и вещи ей велики, словно это одежда другой девушки, той, что не совершила ничего дурного. Но иной у нее нет. Она убила не ради денег или имущества. Она не обрела ни того, ни другого. Все, что у нее есть, – это работа в «Лавке париков» и радость воскресных дней, когда она ходит в церковь – не потому, что все еще верит в Бога или Иисуса Христа и его Воскрешение, но потому, что свет, льющийся сквозь витражные стекла, красив, и потому, что можно обернуться и увидеть мужчину, который наблюдает за ней, и под его пристальным взглядом ненадолго позабыть о терзающих ее кошмарах.

Некоторое время она разглядывает себя в осколке зеркала, прибитом к стене ее спальни. Отражающееся там лицо до того бледное, что кажется, будто сердце ее уже не способно протолкнуть к нему хоть немного крови. В лучах зимнего рассвета оно выглядит голубоватым. Но Лили знает, что, несмотря на нежелание выбираться из постели, несмотря на бледность, поселившуюся в ее чертах, ей нужно приложить все силы и вернуться к работе. Белль Чаровилл получила от Оперного театра Ее Величества большой заказ на парики для постановки «Травиаты» синьора Джузеппе Верди. Белль сообщила своим девушкам, что времени мало, работать придется сверхурочно, в опере участвуют много артистов, есть сцены на балах и в салонах, да и к тому же для певицы, исполняющей роль Виолетты, нужно будет сделать несколько париков, потому что, как объяснил Белль режиссер, волосы у больной чахоткой женщины будут редеть по мере развития ее недуга, а он в своей постановке стремится к реализму.

Лили поручили сделать «последний парик Виолетты». Она использует длинные черные волосы и прикрепляет к основе парика отдельные пряди, как велела Белль. Работая, Лили представляет себе Виолетту, такую же бледную и худую, как она сама, в ночной сорочке, закапанной кровью, с распахнутыми дикими глазами ждущую любимого, который не сможет ее спасти (ибо никому это уже не под силу), но на руках у которого она испустит дух.

Лавка располагается в узком здании на Лонг-Акр. Нижний этаж – магазин париков, и Белль Чаровилл сокрушается, что мода на замысловатые парики прошла в конце минувшего века. Сейчас, в 1860-е, считается, что женщинам следует довольствоваться тем, чем наделила их природа, поэтому многие клиентки Белль тайком заходят в магазин, подумывая, не податься ли соблазну приукрасить себя накладными локонами. Некоторые соглашаются с легкостью, увидев, как роскошные кудри и завитки обрамляют их лица; иные отдают предпочтение «доступным по цене накладкам», которые сливаются цветом с их собственной шевелюрой и незаметно делают ее пышнее; третьи уходят ни с чем, терзаемые чувством вины за свое тщеславие и обреченные остаться заурядными. Поэтому состояние свое Белль Чаровилл уверенно наживает благодаря лондонским театрам и большой любви дворянства к грандиозным костю-

мированным балам. Есть у нее и другие источники заработка, но их Белль с работницами своей лавки не обсуждает.

Этажом выше – мастерская, в которой, собственно, и делают парики: вытянутая комната, где пахнет клеем, кедровой древесиной и немного горьким миндалем. В дальнем конце мастера вытачивают и шлифуют болванки в форме голов. Большую часть комнаты занимают столы, за которыми сидят постижеры⁵, на столах их разложены все необходимые инструменты: крючки и чесалки, булавки и молоточки, отрезы муслина и мотки шпагата. И волосы. Некоторую их часть – лучшие, самые дорогие волосы – привозят из Индии, но в основном их покупают у лондонских бедняков, и иногда они кишат вшами. Группка поденщиц, называемых здесь попросту «обслугой», выводит их синильной кислотой Шееле – ядом, из-за которого в комнате стоит аромат миндаля, – а затем промывает волосы и связывает их в пучки.

Эти пучки обслуга развешивает вдоль стен, разделяя их по цвету и густоте, чтобы с ними могли работать такие, как Лили, чьей наставницей была Белль и чье ловкое и резвое владение крючком, когда она протягивает волосы сквозь кружевную «шапочку» и закрепляет их на ней, вызывает у ее сослуживиц восхищение. Она объясняет им: пальцы ее проворны, потому что приемная мать Нелли научила ее работать иглой, и всякий раз, когда она произносит это имя, у нее сжимается сердце.

Но ей нравится заниматься этим делом: резать кружево и аккуратно прилаживать его к болванке, закладывая выточки и скалывать их булавками, пока все они не будут закреплены и не образуют нужную форму, после чего их можно сметать хлопковой нитью, чтобы получилась шапочка. После этого можно протягивать волосы – прядь за прядью. В такие моменты она всегда теряется в догадках, к сотворению чьего великого заблуждения сейчас приложит руку.

Внутри большой комнаты у Белль Чаровилл есть свой маленький кабинет, отделенный от остальных стеклом так, чтобы она могла поднять взгляд от горы счетов, образцов волос, гроссбухов, чеков и банкнот и убедиться, что ее девочки не витают в облаках и не клюют носом за работой. Белль сорок один год, но ей удастся выглядеть моложе благодаря умываниям розовой водой. Она каждый день носит атлас и шелка, и у нее есть джентльмены-«обогаатели» со всех концов Лондона. От нее пахнет розовой водой и еще чем-то – чем-то крепким, и Лили запаха не узнает, но думает, что так, возможно, пахнет ненасытность, ибо сколько бы денег ни зарабатывала Белль, ей всегда нужно больше; сколько бы мужчин ни удалось ей соблазнить, она всегда смотрит по сторонам.

Иногда Лили кажется, что, сознайся она Белль в своем злодеянии, та пришла бы в полный восторг. Ахнула и ошалела бы. Заставила бы рассказать еще раз и во всех подробностях. Взглянула бы на Лили с небывалым восхищением. И сберегла бы ее секрет в своей душе, как ребенка в утробе.

Проходят дни, и всюду расплзается зима, и Лили не понимает, ради чего ей жить, кроме надежды на воскресенья и разноцветные лучи света, что пробиваются сквозь высокие церковные окна, и взгляд незнакомца, неизменный, как этот свет.

Он не заводит с ней бесед. Ей всегда кажется, что он вот-вот с ней заговорит, но он колеблется и отводит глаза. Она выходит из церкви, и он снова провожает взглядом ее, осторожно ступающую по кладбищенской земле, но затем она ныряет в уличную гушу, и он не идет за нею.

В одно декабрьское воскресенье его нет. Лили, даже не глядя, ощущает его отсутствие, некую перемену в воздухе. Когда служба заканчивается, она шагает напрямик к выходу, не оглядываясь по сторонам. «Нет смысла, – как-то раз сказала ей Нелли Бак, – искать то, чего никогда не найти».

---

⁵ Постижер – мастер по изготовлению париков.

Поэтому она идет к своему обиталищу, исполненная отвращения к нему, – к тому, как жмется оно к земле, как восемь грязных каменных ступеней отрезают его от тротуара, как редко его посещает дневной свет. Это место сковывает ее, или, скорее, когда она там одна, ее сковывает страх грядущего. Теперь она понимает, что уверовала в вождение незнакомца, будто тот неким образом может искупить ее грех, будто через него она наконец-то обретет чувство свободы, которое ожидала ощутить, совершив свое преступление, и которое действительно успокоило ее душу – на время, а затем угасло, будто ничего и не было, и то, что уже совершено, необходимо повторить.

Она идет к реке и стоит там, глядя на детей в лохмотьях, что прочесывают прибрежный ил в поисках ценных вещей, бутылей из зеленого стекла, спичек, старых туфель и деревяшек, из которых можно разжечь костер и побороть декабрьскую стужу. Красные черви вылезают из ила, словно кровяные артерии, но дети босы и, похоже, их не замечают, и лишь шныряют туда-сюда, перебирая муть своими ручками, сосредоточенные на своей работе, как те, кто выбирает камни из вспаханных полей.

Мисс Негодница

Когда Нелли и Лили проехали сквозь ворота Лондонского госпиталя для найденных и перед ними выросло огромное здание, словно длань Господа, выступившая из земли, Нелли взглянула на корзинку, которую привезла с собой для нового приемного младенца, а затем взглянула на шестилетнюю Лили, сжимавшую в кулачке побеги сныти, и ее захлестнула не столько печаль, сколько огромная усталость. «Жить – значит делать одно и то же, вновь и вновь, – подумала она, – бесконечно и непрерывно, а затем умереть – вот и все...»

Из всех детей, что побывали у нее под опекой, Лили полюбила Нелли больше других. А может, других она и не любила вовсе – даже умершего маленького Тома, – но лишь терпела, одаривая их скудным теплом за десять шиллингов в месяц. С Лили все было иначе, Лили была «ее деточкой», Лили старательно вышивала днем и ночью, Лили сравнивала ягодный щербет с опавшим снегом и хохотала, когда падала на дно телеги, Лили обнимала и целовала ее перед сном и гладила ее мочки своими крохотными пальчиками. От мысли, что теперь она окажется среди отбросов общества, Нелли Бак хотелось улечься ничком в каком-нибудь темном уголке и рыдать всю оставшуюся жизнь.

Она ласково провела ладонью по каштановым кудрям Лили. Она знала, что ребенку первым делом сбреют волосы. Сестры в госпитале считали, что паразиты с домашнего скота – клещи, блохи и вши – могут проникнуть сюда на головах тех, кто «жил и трудился в хлевах и свинарниках, спал среди мышей и мылся в стоячей воде». Возрази Нелли, что на ферме «Грачевник» ее дети жили в чистоте, вшей не встречали и трижды в неделю мылись в колодезной воде, ей бы не поверили. А если бы и поверили, то это не имело бы значения. Порядок для всех детей, возвращаемых в госпиталь, был одинаковый: им обривали голову, затем оттирали ее жесткой щеткой с карболкой и обливали уксусом.

Лили об этом не знала. Знала лишь, что она поднималась с Нелли по ступеням госпиталя, дул суровый ветер, а листья сныти в ее руке были мертвы.

Они вошли в большое холодное помещение. На мгновение Лили распахнула рот при виде узорчатого потолка у них над головами, а когда она опустила взгляд, Нелли рядом уже не было. Нелли растворилась в толпе женщин, которые громко и недовольно галдели, а Лили схватила за руку и потащила в другой конец холла худосочная сестра в униформе. Лили хотела развернуться, позвать Нелли, но сестра зажала ей рот ладонью и презрительно бросила:

– Даже не думай! Мы здесь нытья не потерпим. Ты – дитя недостойной матери, и тебе следует пасть на колени и благодарить Господа нашего Иисуса за то, что мы тебя приютили. Вот что должно сейчас заполнять твои мысли: что тебе даровано спасение.

Лили снова попыталась обернуться, вырваться из рук сестры, убежать туда, куда ушла Нелли со своей ношей – соломенной корзинкой и вязаным шерстяным одеяльцем, но нигде ее не видела.

– Прекрати! – сказала сестра. – Она ушла, и ты ее не найдешь. Слезливым прощаниям здесь не место. У нас это запрещено. Твоя приемная мать выполнила свой долг, и на этом все. Сегодня она заберет с собой другое дитя, и тебя позабудут.

Но ведь это не могло быть правдой? *Позабудут*? Как может Нелли забыть те долгие часы, что они вместе провели за шитьем, за развешиванием стираного белья на ветру, за собиранием ягод шиповника в лучах осеннего солнца, за песнями, которые они пели с наступлением ночи?... Как этой сестре с поджатыми губами и сухим лицом могла прийти в голову такая ужасная мысль?

Женщина наверняка врала, и Лили это разозлило. На ней были новые ботинки, купленные Перкином Баком на рынке в Свэйти, и левой ногой она пнула сестру по лодыжке, которая виднелась из-под ее белой формы. Сестра вскрикнула от боли и, на секунду отвлекшись, осла-

била хватку. Этого времени хватило Лили, чтобы, тотчас развернувшись, броситься к толпе женщин на другом конце гигантской комнаты. Она бежала изо всех сил, так быстро, как бегала с Тенью, гонявшей овец по полям в чертополоховом пуху. Достигнув скопления людей, она не остановилась, но представила себя злым бычком, что пробивает путь сквозь стадо, и во весь голос закричала:

– Нелли! Нелли! Где ты?

Ее пытались схватить – этого маленького невоспитанного найденыша, который пер напролом, как дворовая скотина, и вопил, как уличная торговка, – но она не отступала, расталкивая всех вокруг, пока наконец не увидела Нелли, которая застыла недалеко от выхода. Лили помчалась к ней и, добежав, вскинула ручки и принялась колотить ее кулачками. Она все била, и била, и била. Мертвые побеги сныты выпали у нее из рук, и, когда это случилось, Нелли отбросила корзинку и оттолкнула Лили прочь. Но Лили врезалась головой в толстый живот Нелли. Она больше не звала Нелли по имени. У нее не осталось больше слов, только горе и отчаяние, каких она прежде не знала.

Когда шея и руки ее начали устать, она позволила Нелли опуститься на колени и обнять ее, и они прижались друг к другу, рыдая и раскачиваясь под стук своих разбитых сердец, пока не притихли, но тут вернулась сестра и схватила Лили за кудри, и волоком оттащила ее прочь.

Лили не любит вспоминать свои первые дни и ночи в Госпитале для найденышей. Она всю жизнь пыталась предать их забвению, но память о них не угасала. Она была словно рана, которая никак не заживет, словно грустная мелодия, которая не затихает в голове, словно задача по арифметике, в которой не изменишь условие, но которой никогда и не решишь.

После того как ей обрили голову, с нее сняли одежду и сказали, что все это сожгут – все, кроме ботинок. Они еще «пригодны для службы» и будут отданы одному из мальчиков-найденшей, который «нуждается в них побольше», а ей вместо них дадут тряпичные туфли, «подходящие для девочек». Лили возмутилась. Она гордилась своими ботинками, несмотря на то что те жали. Перкин Бак купил их ей в качестве прощального подарка, и они стоили целых два шиллинга... Но сестра снова зажала ей рот ладонью и приказала молчать. Сестра принялась отмывать маленькое тельце Лили карболовым мылом, так яростно растирая его мочалкой, что на плечах и спине девочки вздулись алые полосы, и сообщила ей, что в замечательном госпитале Томаса Корама ее «перевоспитают» и что «упрямым, невоспитанным ребенком», каким она была прежде, ей больше не бывать, а станет она новым человеком, смысл существования которого состоит лишь в том, чтобы повиноваться священному Закону Божию.

– А еще, – сказала сестра, обращаясь к которой полагалось «сестра Мод», – какая бы привязанность к приемной матери ни жила в твоём сердце, от нее нужно избавиться. Господь презирает детей, которые не относятся к своей новой жизни с положенной серьезностью, но предаются капризам и тоскуют по младенческому невежеству и безверию. Теперь тебе следует любить своих благодетелей в госпитале и Господа Бога. Вот и все.

Лили помнит, как однажды Нелли сказала ей, что Бог повсюду. Бог был в ветре, что гнул к пруду ивовые ветви; Бог был в свежевывающем снеге со вкусом щербета; Бог был в солнечных лучах, освещающих пашню. Он не был «отдельной сущностью», но присутствовал везде, даже во тьме ночи, даже во времена печали, и Лили стала объяснять сестре Мод, что именно так ее научили находить Его. Но сестра Мод схватила серое полотенце и швырнула его ей в лицо так, что ей нечем стало дышать:

– Вытрись, мисс Негодница! И больше никогда не пререкайся со старшими! – крикнула она.

Лили одели в буро-красную форму, бежевые панталоны и чулки, на шею повязали белую косынку, а на лысую голову нахлобучили белый с красным чепец. Ее старую одежду сунули в мешок. Ее подтащили к высокому зеркалу, щербатому от износа и старости, но она не узнала

злое существо, которое увидела в нем, с лицом, искаженным от плача. Она хотела стянуть с головы чепец, от которого все чесалось, но сестра Мод отдернула ее руку, и чепец упал на мокрый каменный пол.

– Надо же! – сказала сестра. – Ты и двух часов здесь не провела, а я уже вижу, сколько неприятностей ты нам доставишь. А знаешь, что здесь случается с теми, кто доставляет неприятности? Их порют. Назови свое имя, я предупрежу начальство, что ты вредина и за тобой нужен глаз да глаз.

Лили устала на сестру Мод. Она вспомнила, как Джесси объяснял ей, что мальчишка на дне колодца не откликнулся, потому что его не позвали по имени, и что, когда у человека нет имени, он как тень меж древесных стволов или пушинка, парящая в небе, – призрачная сущность. Волос ее уже лишили, ботинки отобрали, и Лили решила так: возможно, ее имя – это единственное, что у нее осталось своего, и поэтому она никому его не назовет.

Сестра Мод схватила ее за плечи и встряхнула.

– Назови свое имя, дитя! – взвизгнула она. – Так велит закон!

Чепец все еще лежал на полу, и Лили пнула его своей тряпичной туфлей, сквозь которую почувствовала, какой жесткий здесь пол. Она подумала: «Вот, значит, как теперь будет, всякий раз ступая по земле, я буду чувствовать, как камни колют мне ноги». Вслух же она прошептала:

– Перкину Баку это не понравилось бы.

– Что? Что ты сказала? – переспросила сестра.

– Мой приемный отец... – начала Лили.

– Забудь о нем. Говорю тебе: приемные родители тебя уже позабыли, и тебе следует выбросить их из головы. Сейчас же подними чепец и назови свое имя.

– Он два шиллинга потратил на мои ботинки... – сказала Лили.

– Прекрати! Прекрати! Вот же несносное ты дитя. Назови свое имя, или будешь наказана.

Но Лили молчала. Она сжала губы, стиснула их в такую же тонкую полосу, какой был рот на гадком лице сестры Мод, чтобы из них не вылетело ни единого словечка. Она понимала, что ей следует опасаться сестры Мод, но чувствовала гнев, а не страх. Она не подняла чепец. Она увидела, что сестра Мод замахнулась, и подумала: «Вот сейчас придет она – та боль, которую так хочет причинить ей эта Мод», но Лили оказалась проворнее. Она пригнулась, развернулась и ринулась прочь из мыльни. Она пробежала мимо других детей, голых, с обритыми головами, рыдавших от того, что мыло щиплет глаза и мочалки ранят кожу, оплакивавших то, что они потеряли. Она пробежала по каменному коридору и очутилась возле лестницы, по которой вроде бы не поднималась раньше, но решила, что та, возможно, выведет ее к холлу с высокими потолками, где ее отняли у Нелли, а значит, и к выходу из госпиталя, и к открытой двери, и к большому двору за ней, огражденному большими стенами, но с воротами, ведущими отсюда прочь...

Она преодолела уже половину пролета, когда на лестничной площадке распахнулась дверь и из нее вышел седовласый мужчина в одеянии священника. Лили неслась в его сторону, и он раскинул руки, чтобы преградить ей путь, и сказал:

– Это что еще такое? Ты же знаешь правила. Детям бегать запрещено.

Она врезалась в него, едва не сбив его с ног, и ее оглушила исходившая от него острая вонь – запах ладана и немытого тела. Он крепко схватил ее за руки и оглядел: недавно обритая голова, красное и опухшее от плача личико – он увидел, вероятно, то, что видел уже сотни раз: горе и растерянность, заключенные в теле ребенка, но также и непокорность, внезапное проявление воли, отказавшейся принять навязанные ей перемены. И он знал то, чего не знала или что отказывалась помнить сестра Мод, – что покоя и принятия здесь можно добиться одним лишь путем: проявив доброту.

Он присел так, чтобы его белая голова оказалась наравне с головой Лили, улыбнулся ей и сказал:

– Я знаю, что для тебя все это очень неожиданно и не укладывается в голове, но позволь сказать тебе одно: Господь знает, что тебе плохо. Он понимает, что тебе одиноко. Но ты не одна. С тобой Бог. И мы – капелланы, наставники и сестры Корама – тоже с тобой и жаждем одного: указать тебе путь к счастливой жизни на благо других. Найдешь ли ты в себе силы мне поверить?

Нет. Она не верила никому и ничему, даже этому капеллану с его благочестивым затхлым духом. Она верила лишь в то, что произошла какая-то ошибка. День клонился к ночи, и она не должна здесь быть. Она должна ехать в телеге по разъезженной просеке на ферму «Грачевник», видеть, как над прудом загорается первая звезда, знать, что скоро она окажется в своей уютной кровати, что ей подоткнут вязаное одеяльце и что мягкие губы Нелли оставят на ее щеке поцелуй перед сном...

Она помотала головой. Она думала, капеллан рассердится. Ей вспомнилось, как викарий из Свэйти иногда бил кулаком по кафедре и заявлял фермерам, и торговцам, и чеботарям, и пивоварам, и дояркам, и земледельцам, что те «погрязли во грехе». Но этот седовласый человек был все так же спокоен. Он просто встал, взял ее за руку и сказал:

– Ничего страшного. Я отведу тебя в дортуар. Как думаешь, могла бы ты сказать мне, как тебя зовут, чтобы мы нашли верную спальню? Скажешь?

Они поднимались по лестнице, и Лили сквозь тряпичные туфли ощущала, как холоден камень под ногами. Она тихо сказала:

– Меня зовут Мэри Уикхэм.

И некоторое время она была Мэри Уикхэм. Мысли ее занимала вышивка.

Она была «Мэри» в свою первую ночь в дортуаре, когда спала в одной кровати с девочкой по имени Бриджет О’Доннелл, которая напомнила Лили дрозда. Кожу Бриджет усеивали коричневые точки, глаза были беспокойными и умными, а коснувшаяся плеча Лили рука – мягкой, как крылышко птички.

Во влажной тьме дортуара Бриджет жалась к «Мэри» и рассказывала о своем приемном доме, из которого приехала сюда, – тот стоял в деревне Болдок в Хартфордшире и был наполовину жилым домом, наполовину бакалейной лавкой. Она сказала, что ее приемная мать, миссис Инчбальд, занималась домом, а ее приемный отец, мистер Инчбальд, занимался лавкой, а дети сновали от нее к нему и обратно, ускользали с занятий в домашней гостиной, чтобы поглядеть, как мистер Инчбальд взвешивает муку и сворачивает аккуратные бумажные кульки для чайных листьев, и мечтали потрогать кофейные зерна, которые привезли из Африки и пузатые мешки с которыми стояли по всей лавке и пахли чужими краями.

Бриджет сказала, что все в деревне любили их лавку и любили семейство Инчбальдов и что незнакомцы, бывало, покупали у них угощения и безделушки для детей. Она сказала, как все умалчивали о том, что она не родная в этой семье, пока однажды мистер Инчбальд не посадил ее на прилавок, не повесил на дверь табличку «Закрито», не подошел к ней и не сказал, что ее всего лишь «одолжили» им в Госпитале для найденышей так же, как в банке «одолжили» эту лавку и дом, и что скоро придется вернуть ее обратно.

В этот момент Бриджет заплакала. Она сказала:

– Я не знала, что девочку можно «одолжить» тем, кого она считала своими родителями.

Она рассказала, что плакала по чудесному запаху кофе и по маленькому чердаку, где спала, покуда луна в маленьком окне поднималась все выше и выше и, совершая свой путь, говорила с ней, как с доброй подругой. Она плакала по воскресному жаркому из свинины и по гладильной доске миссис Инчбальд, под которой любила сидеть и слушать, как утюг шипит, скользя по юбкам и подъюбникам, и как миссис Инчбальд напевает мелодии из далекого прошлого.

Лили попыталась утереть слезы Бриджет рукавом своей ночной сорочки. Они слышали, как всюду в спальне плачут или горько всхлипывают другие девочки, и Лили сказала:

– Я думаю, что всех нас тут кому-то «одолжили» и ничего уже с этим не сделаешь. А теперь мы в плену.

– Мы можем сбежать, – сказала Бриджет.

– Я сегодня пыталась сбежать, – сказала Лили. – Меня поймал священник. Но мы можем попробовать завтра.

– Ты знаешь дорогу в Болдок? – спросила Бриджет.

– Нет, – сказала Лили. – Я не знаю, что такое Болдок.

– Наверняка туда ездит омнибус.

– Чтобы поехать на омнибусе, нужно заплатить деньги, а их у нас нет.

– У меня есть, – сказала Бриджет. – Я расскажу тебе секрет. Я спрятала в попе монетку в шесть пенсов. Мистер Инчбальд дал ее мне и велел спрятать в надежном месте. Это самое надежное место, какое я смогла придумать. Но я могу достать ее и помыть. Если только она сама еще не вывалилась.

Лили умолкла, задумавшись, каково это – прятать шестипенсовик ТАМ. А потом сказала:

– У меня тоже есть секрет. Меня зовут не Мэри, а Лили.

На завтрак им дали кашу, на обед – черствый хлеб и сыр, а на ужин – жидкий суп, в котором плавали редкие капустные листья, зернышки риса и мелкие ломтики то ли моркови, то ли репы. В первый же вечер Лили обнаружила в своей миске с супом человеческие волосы, но заметила их слишком поздно, когда они уже застряли у нее глотке и она начала задыхаться. Она попыталась руками вытащить волосы изо рта, но те, похоже, прилипли к дыхательному горлу, отчего ей стало нечем дышать, и она ощутила, как лицо наливается кровью, и подумала: «Последнее, что откроется мне в этой жизни, – каково умирать, подавившись волосами». И тут кто-то крепко шлепнул ее ладонью по спине, раз, другой, снова и снова, сильнее и сильнее, и Лили вырвало волосами, как кошку, которую рвет шерстью, скопившейся у нее в желудке, и она увидела их у себя в миске с супом – влажные и слипшиеся, в морковных крошках.

Ей дали воды, и она пила и пила, не зная, что вода в госпитале несвежая и ей станет плохо. Но на следующий день она не смогла съесть кашу, которую дали на завтрак, и через несколько часов, когда ее усадили на жесткий табурет и дали ей комок шерсти и гребень, чтобы ее чесать, она взмокла. Ее руки и ладони обмякли, и она выронила шерсть. И тут она ощутила, что все внутри у нее взбухло и вот-вот выйдет наружу. Она попыталась поднять руку, чтобы предупредить наставницу, но тело ее содрогнулось, и сильный поток желчи и непереваренной еды выплеснулся на ее тряпичные туфли и жесткий кирпичный пол. Потом она почувствовала, как падает – будто с высокого горного склона, летит ниже и ниже, летит мимо скал и камней, мимо редких зеленых ростков, вцепившихся в щебень, и врезается в землю далеко внизу, где никогда не бывает света.

Лили очнулась на руках у сестры. Буро-красной формы на ней не было. Сестра – уже не сестра Мод, а кто-то более деликатный – уложила ее на кровать и укрыла одеялом. Лили вытянула руку, чтобы проверить, лежит ли Бриджет О’Доннелл в одной кровати с ней, но той рядом не было, и эта кровать была мягче, будто перину набили цыплячьим пухом.

Она почувствовала, как ее приподняли, кто-то поднес к ее рту стакан, и она сделала несколько глотков, но потом оттолкнула его. То была не свежая вода из колодца на ферме «Грачевник», но какая-то другая жидкость, может быть, из отстойника.

– Тебе нужно пить, – сказала сестра.

Но Лили не послушалась. Она опустила голову на перину, закрыла глаза и поняла, что впадает в забвение, слишком крепкое, чтобы видеть сны.

Но через час она снова проснулась в холодном поту. Она перегнулась через край кровати, и ее вырвало на пол. Когда сестра пришла и отчитала ее за то, что Лили не попросила ведро

или лохань, она безутешно разрыдалась, и когда сестра вновь попыталась напоить ее затхлой речной водой, Лили оттолкнула стакан, и вода выплеснулась туда, где только что вытерли лужу рвоты.

Она лежала неподвижно, и сестра ушла. Она повернула голову набок и увидела, что ее железная кровать – одна из многих в длинном ряду кроватей, но остальные пустуют. Ей вспомнилось, как Нелли Бак порой говорила своим подругам из Свэйти, дескать, она уверена, что Лили «чего-нибудь добьется в жизни», что она «найдет свое место в этом мире». И подумала, что вот она и очутилась в «мире» – темном мире за пределами фермы «Грачевник», – и так она проведет свою жизнь, в болезни и одиночестве, в пустой комнате, где мебель расставлена рядами, а пот градом катится по обритой голове, и вдалеке звонит колокол, и еще один, и еще, и все они звонят по местам и людям, которых ей больше не увидеть.

Словно невеста...

Зимы в Лондоне так суровы, что иней льнет к черным оградкам, как сахарная корочка, и даже грязь в сточных желобах застывает в карамельную глазурь.

Белль Чаровилл не выносит холод. Она поставила в своем стеклянном кабинете печь-толстобрюшку, и теперь, чтобы печка хорошенько разогрелась до того, как объявится мисс Чаровилл, мастерам, вытачивающим болванки, приходится подкидывать в нее свежие поленья, которые доставляют рано по утрам.

Из кабинета Белль тепло понемногу просачивается в комнату, но постижерам все равно трудно управляться со своими инструментами замерзшими руками, поэтому Лили отряхают к Белль с просьбой: можно ли оставить дверь в ее обогреваемое убежище открытой, чтобы температура в большой комнате хоть немного поднялась?

Белль рассматривает Лили, замечает, как изменилась ее фигура, как бледны ее щеки, и говорит:

– Тебе плохо из-за холода – потому ты так отошала?

«Нет, – хочет ответить Лили, – из-за воспоминаний об убийстве, которое я недавно совершила. Я думала, что, совершив такое – избавив мир от гнусной личности, какой не стоило бы жить, – я освободилась бы от того, что терзало меня так много лет. Но я, напротив, так боюсь того, что уготовано мне дальше, что потеряла аппетит».

Но этого она не говорит. Она улыбается Белль и отвечает:

– Да, думаю, из-за него – мое тело питается самим собой, чтобы согреться. Но если бы вы немного приоткрыли свою дверь, Белль, то до нас дошло бы тепло вашей печки...

Белль поправляет цветастую шаль на плечах.

– Я куда более восприимчива к холоду, чем любая из вас, – говорит она. – У меня это в крови. Все Чаровиллы страдали от того, что, как я слышала, зовется «зимним окоченением». И родных моей матери это тоже коснулось. Если я открою дверь, то мне придется приходить на работу в шубе и меховых галошах, и тогда в мастерской я, несомненно, превращусь в посмешище.

– Мы бы не стали смеяться над вами из-за шубы, Белль. И нам очень трудно работать в таких условиях. Мы ведь переживаем, успеем ли вовремя закончить парики для «Травиаты»...

При упоминании «Травиаты» Белль немедленно тушует, словно совершенно позабыла обо всей работе, какую еще предстоит проделать для театра, и только сейчас вспомнила об этом – а заодно и обо всех рекомендациях, которыми фонтанирует режиссер – маэстро Ардитти. Он завел привычку заявляться в «Лавку париков» без предупреждения, вооруженный мухобойкой из конского волоса, которой он похлопывает по плечам работниц, незаконченные парики и развешенные по стенам пучки волос, будто заявляя, что все это принадлежит исключительно ему.

– Ох, вся эта история с «Травиатой»... – вздыхает Белль. – Так замечательно и в то же время жутко изнурительно! Видишь, Лили, бутылку джина у меня под рукой – а ведь раньше я к ней не прикасалась. Подозреваю, что джин уже разъел мою личность и скоро я стану невыносимо унылой и вялой. Как думаешь, я уже начала глупеть и становиться скучной?

– Совсем нет, Белль. Мы любим вас – и как матушку, и как досточтимую наставницу. Время от времени мы отрываемся от работы, только чтобы убедиться, что вы еще здесь и присматриваете за нами.

– О, что за дерзкое ехидство! Но это хорошо. Я не против. Это говорит, что в тебе есть искра. В некоторых людях ее нет – вообще нет. Закрой-ка дверь, Лили, и я тебе кое-что расскажу.

Лили оборачивается и видит, как обслуга перебирает новую партию грязных волос из Восточного Лондона и как ее сослуживицы замирают, глядя на нее, в надежде, что Белль согласится оставить дверь приоткрытой, но Лили закрывает ее, как было велено, и Белль кивком подзывает ее к своему огромному столу, заваленному ордерами и счетами.

– Вот что, – говорит Белль, – уж не знаю, где ты обрела такую сноровку. Ты еще очень молода. Но умелая – на голову выше любой из моих женщин. Скорость твоей работы, ловкость рук... Я тут размышляла, как бы тебя наградить. Я не могу платить тебе больше, чем другим, – иначе здесь случится бунт, но я вполне могу вытащить тебя из той лачуги, в которой ты ютишься на Ле-Бон-стрит. У меня в доме есть чердак, который почти не используется. Я могу его немного обставить. Много денег я с тебя за него не возьму.

Лили ошарашенно смотрит на Белль. Она никогда не бывала в доме Белль Чаровилл на Севен-Дайлс⁶, но слышала, что о нем говорят, – мол, есть там роскошный будуар, с каким не сравнится ни один другой в Лондоне: потолок выкрашен в кроваво-красный цвет, кровать увешана бирюзовыми кистями, а вокруг сплошные зеркала...

В кабинете Белль слишком тепло, от чего у Лили кружится голова. Ей хотелось бы опуститься на жесткий стул, на котором так часто сменяются мужчины в темных пальто – банкиры, адвокаты и торговцы, что всматриваются в балансовые ведомости и накладные, – но она все же стоит. Она думает о том, как может измениться ее жизнь, поселись она у Белль на Севен-Дайлс, – или, вернее, старается не думать об этом, потому что знает: жить так, чтобы соответствовать этому месту, у нее не получится. Ее подвальная комнатка ничего от нее не требует – только *существовать* там, в полутьме, терзаясь мыслями о совершенном преступлении, переживая его раз за разом, дожидаясь того дня, когда она и то убийство вырвутся из мрака на свет. И тут ей в голову приходит мысль, что, может, лишь тогда – когда все станет явным и будет подвергнуто суду – она обретет свободу.

– Ну? – спрашивает Белль. – Не предпочтешь ли мой чердак своему погребу?

– Вы очень добры, – отвечает Лили. – Но я, кажется, немного приболела. И лучше мне остаться там, где я сейчас живу, пока я не поправлюсь.

– Хорошо, – говорит Белль. – Как тебе угодно. Но ты уж съешь чего-нибудь. Я не могу допустить, чтобы ты угасла. Ардитти выпорет меня своей мухобойкой, если парики не будут готовы к генеральной репетиции.

В воскресенье в церкви очень мало прихожан, потому что город завален снегом. Пусть алтарник и прокопал дорожку через кладбище ко входу в церковь, но к ней со всех сторон ведет множество тропинок, утопающих в глубокой белизне, в которой никто и ничто не сможет двигаться без помех и только птицы тщетно высматривают темные прогалины.

Лили помнит, как снег пластами, будто глазурь с пирога, падал с пихт на пути в Свэйти, и погода ее не пугает. Она просто накидывает на голову шерстяную шаль и в очередной раз идет в церковь. Подол ее пальто намокает и становится тяжелым, но выбеленный церковный дворик кажется ей красивым: снег все уравнивает и смягчает. Она наклоняется и, зачерпнув горсточку снега, отправляет ее в рот и вспоминает вкус щербета и песни Нелли на морозе.

Она заходит в церковь, склоняет голову, а затем бросает взгляд вверх, на свой любимый витраж, изображающий сеятеля с корзиной кукурузного зерна. Ей нравятся его сильные мускулистые ноги, виднеющиеся из-под рабочего кафтана, и мягкий жест его руки. Птицы парят над ним, золотистые в утреннем свете.

Она проходит вперед по нефу к скамье, где всегда сидит – в пятом ряду. Становится на колени и молится о том, чтобы незнакомец вернулся вопреки непогоде, и, поднявшись на ноги, оборачивается, уже зная, что он здесь. Разумеется, он смотрит на нее, и сейчас, впервые за все

---

⁶ Крупная дорожная развязка в Лондоне, в старину – весьма бойкое, зачастую опасное место.

время, она не отводит глаз. Она видит, что он довольно зауряден внешне, темные волосы уже редеют на висках, галстук повязан небрежно, но лицо чисто выбрито и выглядит открытым, а глаза большие и пристально смотрят на нее.

Сердце Лили пускается вскачь. Теперь, когда он здесь, ей хочется большего. Ей хочется дотронуться до его руки. Хочется сказать ему, что, кроме как к нему, ей некуда больше податься в этой жизни. Но она заставляет себя отвернуться и раскрыть молитвенник, когда вступает орган и служба начинается как обычно: взойдя за кафедру, викарий замирает и с суровым видом смотрит на всех с высоты, иногда замуривая один глаз, будто прицелившись в кого-то, словно лучник.

Голос у викария громкий. *Ибо Твое есть Царство и сила и слава!* Это утверждение проносится так, будто это королевская декларация, и Лили представляет, как великая молитва выпархивает из этой церкви, взмывает над побелевшими могилами и долетает до самой реки, где с каждым мигмом на поверхности воды разрастаются кристаллики льда, которые сливаются в плавучие островки, что сдавливают бока лодок и баркасов. И вот там-то, у реки, думает она, ей хотелось бы очутиться вместе с незнакомцем, позволить ему взять ее за руку и спросить, как ее зовут, и они одновременно вспомнили бы, что постепенно, медленными водоворотами и приливами, Темза неизбежно вытекает в море...

Сейчас же ее тревожит, что мужчина ускользнет раньше, чем закончится служба, и страх этот усиливается. Что-то подсказывает ей: если сегодня она не заговорит с ним, то никогда больше его не увидит, и мысль эта невыносима, поскольку она верит, что, кроме него, у нее никого нет, что он единственный во всем мире, кто способен уберечь ее от смерти – от петли, люка и бездны. И кажется, что он об этом знает, что понимает: в этом и заключается его задача – переменить ее судьбу. Ибо зачем еще он возвращался в церковь столько раз, не заговаривая, но только наблюдая и ожидая момента, когда она сама к нему подойдет?

Служба закончена. Четверо пухлых маленьких хористов в брыжах, довольно улыбаясь, спешат к выходу. Викарий царственно шагает следом, а органист наигрывает что-то без мелодии, словно убивает время за перебором нот.

Теперь Лили разрешает себе повернуться. И он все еще здесь. Все еще смотрит на нее.

Она уступает дорогу прихожанам, которые движутся наружу, в зимнее утро. Мужчина ждет. Лили ждет. Они должны дождаться, когда церковь опустеет и затем... Очень медленно она идет к нему, держась прямо и собранно, словно невеста, которая шагает к алтарю, где ждет ее жених.

Когда она подходит, он осторожно касается ее плеча. И так они стоят, лицом к лицу, орган все не затихает, студеной воздух из открытой двери долетает до них, и Лили ежится от холода.

– Простите, если я не прав, – произносит он наконец. – Я хотел обратиться к вам и раньше, но не тревожил вас, опасаясь, что вы сочтете это беспардонностью или что я ошибся, но, полагаю, вы – мисс Лили Мортимер. Я прав?

– Вы правы, – отвечает Лили.

Он расплывается в улыбке. И улыбается так широко, что, кажется, вот-вот расхохочется.

– Лили! – говорит он, будто дивясь этому имени. – Я так долго вас искал. В последний раз я видел вас в Госпитале для найденышей. Тогда я лишь мельком увидел вас в дальнем конце классной комнаты. Мне не разрешили отвлечь вас или заговорить с вами, поскольку я не прихожусь вам родным.

Лили не знает, что сказать. Она задается вопросом, зачем незнакомцу ее «искать», но не находит ответа.

– Я потом пришел еще раз, и мне сказали, что вы однажды попытались сбежать из госпиталя и были наказаны, но после наказания прилежно трудились над всем, что вам поручали.

Что ей на это отвечать? Она словно слышит бормотание Перкина Бака: «Не все на свете ведомо смертным – например, почему индийский поезд дяди Джесси рухнул в ущелье и все погибли».

– Зачем вы меня искали? – наконец спрашивает она.

– Ну... – говорит он, отводя взгляд, словно ему стыдно или он вот-вот расплачется. – Вы можете подумать, что это странно, но я почему-то считал своим долгом присматривать за вами и надеяться, что вас, как воспитанницу Корама, ждет хорошая жизнь.

Ах. «Хорошая» жизнь. Как жизнь может быть хорошей, если ты никому не дорога и вынужденно тяготишься стыдом? Как может сердце не наполниться желанием отомстить?

– Присматривать за мной? – переспрашивает Лили.

– Я пытался. Я стоял в дверях и смотрел, как вы учили малышей шитью. Я видел, как вы были терпеливы и спокойны. Но опять-таки мне не разрешили с вами поговорить. Мне не доверяли.

– И почему же вам не доверяли?

– Лишь потому... Они не знали, кто я.

– И я не знаю, кто вы. Вам следует представиться, иначе я уйду.

Мужчина сжимает в руках жесткий цилиндр. Он опускает на шляпу взгляд, затем надевает ее, немного сдавливая по бокам, словно без нее не чувствует в себе достаточно смелости или решительности для того момента, который сейчас проживает.

– Что ж, – говорит он, – у вас есть право мне не верить, но, кажется, я – тот, кто спас вам жизнь.

Она обдумывает сказанное им. Ей хочется сказать: «Моя жизнь снова нуждается в спасении. Я отдаляюсь от людей, потому что совершила злодеяние», но она молчит и ждет.

– Вы, вероятно, знаете, точнее, я уверен, что вы знаете о том, что ваша бедная матушка бросила вас зимней ночью?

– Да. Она оставила меня возле ворот парка Виктории.

– И тогда шел дождь и было очень холодно, но молодой констебль дежурил возле парка, когда услышал вой волков...

– Ох, – произносит она. – Ох.

Так она узнает, что это был он. Она помнит его имя: Сэм Тренч. Он шел сквозь мокрый снег и нес ее, завернутую в мешковину. Его вывели в Госпитале для найденышей – ему стало плохо после такого долгого пути, а затем он отправился восвояси, и она вскоре очутилась на ферме «Грачевник».

Она растрогана тем, что он не только спас ее от мороза и от волков, но и счел своим долгом присматривать за ней, словно она была его ребенком.

– Констебль Сэм Тренч, – говорит она. – Давным-давно мне назвала это имя моя приемная мать, и я его не забыла.

Он улыбается и берет ее за руку.

– Вы преуспели в жизни, работаете на Белль Чаровилл.

– «Преуспела»? Пожалуй, что так. Белль довольна моей работой. А вы? Как сложилась ваша жизнь в этом мире, Сэм Тренч?

– Весьма неплохо, скажу вам так. Переловил немало преступников на службе в Лондонской полиции. Теперь я суперинтендант. В сыском отделе.

В сыском отделе.

Внезапно Лили пробирает холод. Она замечает, что во дворе снег все еще заваливает могилы. Она плотнее закутывается в шаль.

«Те маленькие дикари»

Первым уроком, который усваивали дети в Лондонском госпитале для найденных, была их покинутость. Им напоминали – порой ежедневно, – что никому в этом мире нет до них дела и некому их любить, кроме милостивого Господа.

«Господь видит вас, – говорили им. – Господь видит, как вам одиноко. Но Он не может научить вас прясть и ткать. Он не может бесконечно вам напоминать, что без усилий ваша жизнь не сложится, но вы со временем поймете, что если не будете слушаться наставников, то снова будете отвергнуты. Тогда, возможно, вы решите, что свободны, но что за свободу вы обретете? Свободу голодать. Свободу рыскать в мусоре, прибитом к берегу речным приливом...»

Их день начинался в пять часов утра. Лили привыкла к ранним подъемам еще на ферме «Грачевник», когда с первыми лучами солнца начинали кукарекать молодые петушки. Но здесь, у Корама, детей будили в темноте. В каждый дортуар заносили по горячей лучине, и в ее зыбком свете они пытались одеваться, пока сестры проверяли кровати на предмет «ночных конфузов». Таковых было немало. Запах мочи постоянно висел в воздухе. Принюхиваясь и сетуя, сестры снимали мокрые простыни и отвешивали подзатыльники «тем маленьким дикарям, которые не могут потерпеть». Кровать, которую Лили делила с Бриджет, часто бывала мокрой по утрам, и обе получали подзатыльники, но через некоторое время Лили привыкла к большой теплой луже, в которой они спали и видели сны, и начала воспринимать ее как связь между ней и Бриджет, которую они не ожидали обрести, но находили в этой связи некое подобие утешения.

Первым делом с утра им поручали набрать воды на водокачке во дворе и натереть полы в дортуаре, а также паркет в больших залах, где собирались покровители и посетители госпиталя и где музыканты, безвозмездно уделявшие свое время и таланты благотворительному обществу Корама, часто исполняли духовную музыку. Иногда, уже разойдясь вечером по кроватям и посасывая стертые до ссадин руки после долгого трудового дня, дети засыпали под нежные, меланхоличные звуки, источника которых не знали, но которые успокаивали их и иногда проникали в их сны.

После уборки найденных садились завтракать. Молоко им в кашу добавляли свежее, ибо каждое утро два молочника привозили сюда по холодному бидону. После болезни Лили опасалась пить воду, и сестры, которым не хотелось снова тратить силы на уборку ее рвоты, некоторое время разрешали ей пить за трапезой молоко – «пока твоё тело привыкает к лондонской воде».

Она прилежно училась. Может, это молоко придавало ей сил? За уроком Библии обычно следовал урок шитья, за ним – час чтения и письма. Идея Томаса Корама состояла в том, чтобы сироты «всеми доступными способами» приучались к самостоятельной жизни. Его удручала мысль, что они проживут несколько лет в госпитале «за счет государства», а затем выйдут из него до того беспомощными, что скатятся до шельмовства и проституции. Он видел себя спасителем, но ему хватало мудрости, чтобы понимать: не каждый в этом мире желает быть спасенным, а некоторые слышат в голове своей лишь дикий зов порока и разврата.

Знал Корам и то, что многие из детей, которых он приютил в шесть лет, успели привязаться к приемным родителям и что от расставаний с теми чахли с горя, оправиться от коего им удавалось не всегда. Он мог лишь внушать тем, кто заботился о детях в госпитале, относиться к этому «недугу» со всей суровостью. Детей увещевали «навсегда забыть» о тех годах, что они провели с людьми, которым за опеку над ними платили десять шиллингов в месяц, «но для которых они ничего не значили». Им надлежало напоминать, что в других краях, во времена не столь далекие, господа держали у себя рабов для сбора сахарного тростника и хлопка и что

господа эти, может, и видели, как процветают их плантации благодаря деньгам, которые они вложили в этих людей, но благополучие их никого не заботило – они были не больше чем крысы в стоге сена. «Вы точно как они, – говорилось найденышам. – Вы все равно что те рабы. Ибо разве не работали вы на тех людей, которым *заплатили* за присмотр за вами? Разве не надрывались в полях, собирая камни? Не выходили на улицу морозными зимними утрами, чтобы покормить скотину? Не жили в заточении и одиночестве? И что, в конце концов, вы получили в том месте, которое звали домом? Возможно, памятную безделушку. Какую-то одежду. Воспоминание о пудинге со сливами в рождественское утро...»

Лили не спорила с этим, но знала, что Нелли и Перкин Бак никогда не считали ее рабыней. Она рассказала Бриджет, как Нелли пела ей колыбельные, а Перкин часто угощал ее самыми сочными и спелыми помидорами из своей побитой ветрами теплицы. Бриджет сказала, что не знает, чем именно должны были заниматься рабы, помимо сбора хлопка (это занятие представлялось ей отнюдь не собиранием воздушных белых комочков, но срыванием разноцветных тряпок с колючих кустарников и зарослей чертополоха), и почему – и кто решил, что они были именно «рабами». Но она сомневалась, что рабы спали на тихих маленьких чердаках, пока луна катилась по небосклону, и вряд ли их угощали глазированными яблоками пряником с кухни миссис Инчбальд или позволяли им подносить лица к кофейным мешкам и вдыхать волнующие ароматы дальних стран.

Однажды утром в своей тетради, заполненной бесчисленными строчками почти освоенных букв алфавита, начертанных толстым карандашным грифелем, Лили начала писать письмо к Нелли. Она часто видела мальчишек-почтальонов, которые забегали в госпиталь и убегали из него со связками писем, и уверилась в мысли, что если сложит свое и надпишет на нем «*На ферму „Гравенвик“, деревня Свэйти, Суффолк*», то оно как-нибудь доберется до Нелли.

Дорогая Нелли, написала она.

Мне ни понравилось, что ты ушла. Я очинь часто мачу кровать. Пожалуйста пришли Перкина с Пеги и телегой чтоб отвезли меня домой...

Она хотела было написать о том, как на уроках рукоделия старалась делать аккуратную подгибку и шить «назад иголкой», как вдруг заметила недавно нанятого в госпиталь учителя, который навис над ней и смотрел в ее тетрадь. Учитель хлопнул белой рукой по странице.

– Так, – сказал он. – Порви это!

Это был молодой мужчина с громким голосом человека, который желает оставить «след» в мире и верит, что мир всегда прислушивается к нему и ждет от него большего. Звали его мистером Шерри, и он смущался и злился, когда дети смеялись, услышав его имя. Он, несомненно, верил, что время, проведенное за обучением отсталых сирот Корама, станет важным этапом в некоей значительной карьере, пусть даже пока и не представлял, что это будет за карьера. Может, ему пойти в юристы? От грубого обращения с детьми, особенно с неразвитыми девочками в их дурацких красно-белых чепцах, с жалостливыми мордашками и жуткими тряпичными туфлями, плоть его иногда возбужденно трепетала.

Мистер Шерри заставил Лили встать и вырвать письмо к Нелли из тетради. Он напомнил ей, что дети Корама обязаны отречься от воспоминаний о годах, проведенных в «младенческом безверии», и помнить лишь о том, что их отвергли.

– Та женщина, Нелли, кем бы она ни была, – сказал Шерри, – давным-давно тебя забыла. И я должен убедиться в том, что ты это усвоила. Так что встань и повторяй за мной: «Нелли обо мне забыла. Обо мне забыли все».

Он дернул ее вверх за шиворот, и все в классе уставились на нее. Внезапно стало до того тихо, что Лили слышала дыхание учителя и биение своего сердца.

– Давай же! – крикнул учитель. – Говори: «Нелли обо мне забыла! Обо мне забыли все!»

– Это неправда, – сказала Лили.

– Что? Я не слышал, что ты сказала. Что ты сказала?

– Я сказала, что это неправда. Я знаю, что это неправда. Нелли меня не забыла.

– Пререкаться со мной вздумала? Да как ты смеешь со мной пререкаться?

– Я не знаю, что такое «пререкаться», сэр.

– Да, похоже, что не знаешь. Потому что ты безмозглая девчонка, и в бритой голове твоей нет ничего – ничего, кроме жалости к себе. Ты едва научилась читать. Ты неграмотна. С чего бы этой «Нелли» помнить о таком ничтожестве? Я думаю, что она увезла с собой мальчика в тот день, когда оставила тебя здесь. Так ведь? Она выбрала мальчика, потому что мальчики умнее и способны чего-то добиться. Тогда как ты...

– Я была для нее «золотой девочкой», – тихо произнесла Лили.

– Что? Что ты сказала?

– Нелли называла меня золотой.

– Ты несешь сентиментальную чушь. Немедленно скажи, что тебе велено, иначе я тебя выпорю.

В классе снова повисла гулкая тишина. За окнами под самым потолком Лили увидела стайку воробьев и подумала, что на ферме «Грачевник» они были пестро-коричневыми, а здесь, в Лондоне, их перья потускнели от пыли и сажи. Она решила, что лучше уж думать о воробьях, а не о том, что ей было велено сказать, потому как знала: покуда жива, она ни за что на это не согласится.

Мистер Шерри схватил ее руку и вытащил вперед, поставив на виду у класса. Она слышала, как зарыдала Бриджет. Он заставил Лили нагнуться к спинке стула, достал розгу из-за стола, задрал подол ее платья и принялся хлестать ее по заду в панталонах. Но, не удовлетворившись этим, он стянул с нее исподнее и стал пороть Лили по голой плоти. И Лили слышала, с какой натугой он дышал, словно взбирался по крутому склону в Африке, обратившись в одного из дядей Баков.

Она не плакала и даже не кричала. Но в ту ночь прошептала Бриджет: «Теперь я готова бежать. Хочу сбежать еще до рассвета».

Бриджет сказала, что прямо сейчас сбежать не выйдет: нужно придумать план. Им пригодится шестипенсовик, который она каждый день перепрятывала. Она сказала, что им надо ехать в Болдок, потому что Свэйти – деревушка черт знает где, и они ее ни за что не отыщут. Когда они доберутся до Болдока, мистер и миссис Инчбальд приютят их, поджарят для них бекон и пошлют весточку Нелли Бак в Суффолк. Девочки вспомнили, что на пути в госпиталь последнюю часть пути проделали на омнибусе. Теперь им нужно было лишь выбраться за ворота и дойти до остановки возле гостиницы «У Грея».

Когда их послали в большой двор помочь мальчишкам, которые кололи и носили дрова, они добрались до ворот – проверить, можно ли их перелезть, – но обнаружили, что ворота строго охраняются, и сочли, что так же дело обстоит и ночью: сторожа несут свое дежурство, сражаясь с желанием поспать и тяжестью мушкетов, что так и тянут их к земле.

Но девочки знали, что почти каждый день на заре сюда приезжают телеги и фургоны с продуктами. Бриджет рассказала Лили, что в бакалее Инчбальдов продавалось все необходимое для жизни: чай, мука, овес, сахар, кофе, патока, сода, сушеные бобы, крахмал, соль, перец, рис, сыр, яйца, лук, морковь, капуста, картофель, сало, сливочное масло, бекон, манная крупа, рыбные консервы, изюм, миндаль и ангелика... Она сказала: если бы таких вещей не привозили в Лондонский госпиталь для найденышей, то все бы здесь давно померли, а значит, доставлять еду должны довольно часто. Им с Лили нужно лишь проснуться до пяти утра и прокрасться во двор, дожидаться, когда придут подводы, и, пока возницы будут заносить еду на кухню, спрятаться в фургоне и сидеть там тихо и неподвижно, пока их не вывезут за ворота.

Лили лежала в их общей кровати и даже в темноте понимала, что Бриджет уже уснула. Она вытянула руку и, стараясь не разбудить ее, осторожно дотронулась до короткой щетины на ее голове, как некогда дотрагивалась до Тени в глухой тишине суффолкской ночи. Она тосковала по мягкой шерсти Тени и тосковала по тишине фермы «Грачевник». В госпитале Корама всегда был слышен чей-то тихий плач. Порой было не разобрать, плачет ли ребенок, воеет ли ветер в гулких коридорах, или сам город тяжело вздыхает, пытаясь уснуть.

По неведомой причине этот заунывный звук напомнил Лили о первой ее ночи на земле и вое тех волков, которые могли бы унести ее в мир иной, если бы тот полицейский не спас ее, и о матери, закутавшей ее в мешок и оставившей ее у ворот парка. Хотя историю эту ей рассказала Нелли, ей, жившей тогда на ферме «Грачевник», не верилось, что так все и было. Это Нелли приходилась ей «настоящей матерью». Другой матери, бросившей ее на смерть ноябрьской ночью, было место в книге сказок про злых ведьм и духов, танцующих среди могил. Она была неосязаемой, бесплотной. Волосы ее были пухом чертополоха, ступни – опавшею листвой. Но в тот момент в воображении у Лили она вдруг обрела форму и черты. Ей представилась злобная персона, сухая и коварная, как сестра Мод, с зубами, скошенными внутрь и спрятанными за сжатыми губами, которые были стиснуты так сильно, что губ у нее, казалось, и вовсе нет, а есть лишь тонкая морщинистая полоса, похожая на шрам...

И вот она явилась, выступила из зимней тьмы, направилась к воротам парка, небрежно неся свой кулек, рискуя выронить его в любой момент, выронить, поскольку двигалась она престранно, то спотыкаясь о бордюры, то запинаясь о булыжники на мостовой, как спотыкался Перкин Бак, напившись сидра. Дождь зарядил над ней, но ей и мысли в голову не пришло, что сырость с холодом могут измучить и убить ее новорожденное дитя.

Дойдя до ворот, она наклонилась и положила свой кулек подле железной ограды. Может, на миг она замерла на месте, натягивая шаль на голову, смотря на существо, что бросала на произвол судьбы, а может, даже не взглянула на него, но поспешила прочь, довольная, что облегчила свою ношу, ни на секунду не терзаясь от любви, нежности или печали, но лишь твердя себе: теперь она свободна.

Лили хотела бы уснуть, но образ матери, которая уходит от нее во тьму, не обернувшись и не усомнившись в своем поступке, был столь живым в ее сознании и так взволновал, что, позабыв про сон, она разглядывала тени в дортуаре. Не просыпаясь, Бриджет повернулась, и ее мягкая рука упала Лили на лицо. Та убрала ее как можно осторожней.

Потом наступило раннее утро, когда звезды еще не ушли с небосклона, но по Лондону уже начал красться туман...

Лили и Бриджет, семи лет от роду, в пальто и рукавичках, но все еще обутые в изношенные тряпичные туфли, залезли в подводу торговца чаем, забрались под смоленую парусину и спрятались среди мешков, съезжившись, как мышата. У Бриджет в кармане пальто лежал серебряный шестипенсовик.

Подвода скрипнула, когда возница взгромоздился на свое сиденье, и дернулась, когда тяжеловоз шагнул и встал, шагнул и встал, но наконец-то согласился развернуться и медленно пошел вперед. У ворот подвода остановилась, и Лили представила себе, как один из сторожей целит свой мушкет в пахнущую чаем тьму. Она шепотом велела Бриджет закрыть глаза. Она боялась, что их глаза могут блеснуть, поймав какой-то лучик света, как глаза крыс в сарае у Перкина Бака, и что тогда мушкет стрельнет, и головы их отлетят от тел и приземлятся в мешки с чаем.

Но мушкет так и не появился, и подвода поехала дальше, и Лили поняла, что они за пределами госпиталя, и странная смесь восторга и ужаса начала пробирать ее при мысли о том, что ее везут по огромному городу, где в каждом дымоходе сидело по мальчику с щеткой на длинной палке, которыми они отскребали сажу, и где дети спали в грязи на берегу реки. Она пыталась

представить, что едет сквозь тьму, которой полнился Лондон, в Болдок, где миссис Инчбальд жарит в котелке бекон. Бриджет говорила, что, когда подвода где-нибудь встанет, им нужно вылезти из нее и поискать на улице омнибус, который отвезет их в Болдок за шесть пенни, но Лили занимали мысли, как им быть, если все омнибусы едут не туда или берут побольше, чем шесть пенни, или не знают, как доехать в Болдок, ведь им тогда предстоит идти пешком по замерзшим дорогам и их тряпичные туфли порвутся на клочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.